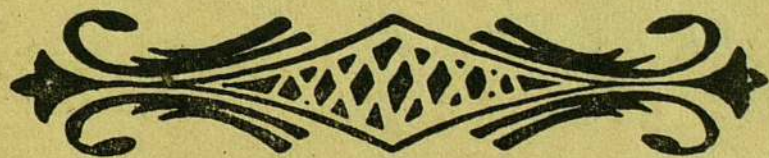

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

9

1946

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 9

Сентябрь 1946 года

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

К награждению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия орденом Трудового Красного Знамени	3
Журнал Священного Синода Русской Православной церкви от 9 августа 1946 г.	7
Телеграммы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия:	
а) Митрополиту Серафиму (Лукиянову)	8
б) Патриарху Максиму	8

Церковная жизнь

Л. Парийский. Кончина и погребение Митрополита Евлогия	9
Послание Высокопреосвященного Серафима, Экзарха Патриарха Московского и всея Руси в Западной Европе	16
Хроника	18
Награждение Московского духовенства медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.“	19

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Смерти нет	22
Архиепископ Андрей. Слово в праздник Вознесения Господня	27

Статьи

Р. Днепров. Памяти Митрополита Евлогия	30
Л. Парийский. После кончины Митрополита Евлогия	35
Н. Васильева. Крест	39
Протоиерей Н. А. Харьзов. К трехлетию издания „Журнала Московской Патриархии“	43
Протоиерей А. П. Смирнов. Поездка в Венгрию	45
Архиепископ Антоний (Марценко). Мои впечатления по возвращении на Родину:	54
Архиепископ Иоанн Молотовский и Соликамский. Возвращение на Родину и первые впечатления пребывания на ней	58
Архиепископ Даниил Пинский и Лунинецкий. Первые впечатления на Родине .	65
Епископ Гермоген. Попытки Ватикана подчинить своему влиянию православные Церкви южных славян на Балканах	65

Из жизни наших епархий

Из Ленинградской епархии	74
Из Новосибирской епархии	76
Из Донецкой епархии	78

Библиография

Л. П. „Служба всем святым, в земли Российстей просиявшим“	79
---	----

Официальная часть

К НАГРАЖДЕНИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ *орденом Трудового Красного знамени*

ТЕЛЕГРАММЫ:

МОСКВА, КРЕМЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ
ИОСИФУ ВИССАРИОНИВичу СТАЛИНУ

Прошу Вас, высокочтимый Иосиф Виссарионович, принять мою искреннюю и сердечную благодарность Вам и Правительству за высокую награду, тем более для меня ценную, что она является свидетельством неизменного благожелательного отношения к Православной Русской Церкви со стороны возглавляемого Вами Правительства и высокого внимания к тем патриотическим подвигам в тяжелую годину военных испытаний, какие она несла по священному примеру великих соотечественников — святых отцов и учителей наших.

17/VIII—46 г.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ ШВЕРНИКУ

Примите мою искреннюю благодарность за оказанное мне Верховным Советом СССР внимание награждением меня высоким орденом Трудового Красного Знамени.

17/VIII—46 г.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЮ

Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Шверник вручил вчера, 23 августа, в Кремле орден Трудового Красного Знамени Патриарху Московскому и всея Руси Алексию.

— Правительство, — сказал тов. Шверник при вручении ордена, — высоко оценило Ваши выдающиеся заслуги в деле организации патриотической работы в период Великой Отечественной войны.

Позвольте мне поздравить Вас с награждением орденом Трудового Красного Знамени и пожелать Вам новых успехов в делах, направленных на укрепление нашей Родины. Желаю Вам здоровья и многих лет жизни.

Отвечая на поздравление, Патриарх Московский и всея Руси Алексий сказал:

— Позвольте мне, глубокоуважаемый Николай Михайлович, в Вашем лице благодарить Верховный Совет нашего Союза и Правительство во главе с нашим великим вождем Иосифом Виссарионовичем Сталиным за высокое внимание ко мне, выразившееся в пожаловании мне ордена Трудового Красного Знамени.

Это награждение меня за мои скромные труды по организации патриотической работы во время Великой Отечественной войны для меня тем более дорого, что оно свидетельствует о неизменно благожелательном отношении нашего Правительства к нашей церкви и ее служителям.

Отдавая свои силы на служение Родине, мы, церковные люди, выполняем завет приснопамятных церковных деятелей и вместе с тем великих патриотов, оставивших нам пример беззаветной любви и преданности Родине!

Если в тяжкую годину военных испытаний нашей Родины служители церкви с честью выполнили свой патриотический долг перед нею, то с сугубым усердием они будут и во время мирного строительства полагать свои силы на выполнение этого же долга и этим оправдают то высокое доверие, которое нам оказывают наш вождь и наше Правительство.

При вручении Патриарху Алексию ордена присутствовали Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин и Председатель Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов.

ТАСС

К награждению Патриарха Московского и всея Руси Алексия орденом Трудового Красного Знамени
Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Шверник, Патриарх Алексий и Председатель
Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов

О Т В Е Т
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ
НА ПРИСЛАННЫЕ ЕМУ ПОЗДРАВЛЕНИЯ
ПО СЛУЧАЮ НАГРАЖДЕНИЯ ЕГО
ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

По случаю получения мною ордена Трудового Красного Знамени я получил от Епархиальных Преосвященных, от многих настоятелей и приходских общин разных Епархий, а также и от частных лиц, знакомых мне и незнакомых, приветственные телеграммы и письма. Выражаю искреннюю признательность всем почтившим меня своими приветствиями. При этом хочу отметить, что успеху в деле организации патриотической работы в период Великой Отечественной войны я обязан главным образом тем, что мои призывы встречали со стороны моих сотрудников — Преосвященных архиереев и всего духовенства — самый горячий отклик и усердие в проведении предлагавшихся мною мероприятий.

И таким образом, одобрение моей деятельности со стороны Государственной Власти есть одобрение и деятельности — благотворительной и патриотической — всего духовенства, всей нашей Русской Православной Церкви.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы со своей стороны благодарить моих собратьев, потрудившихся в тяжелую для нашей Родины годину в деле посильной помощи Отечеству, и призвать их к новым проявлениям своего патриотизма в текущий период мирного строительства, дабы оправдать оказанное нам ценное доверие со стороны нашего Вождя и руководимого им Правительства.

Господь да благословит эти труды наши во благо и во славу нашей великой Родины.

1946 г. Сентябрь, 1.

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ

ЖУРНАЛ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

от 9-го августа 1946 г.

Принимая во внимание все обстоятельства и условия перехода части русских православных приходов Западной Европы в юрисдикцию Вселенской Патриархии, регламентированного в грамоте Святейшего Вселенского Патриарха Фотия II от 17 февраля 1931 года, Священный Синод Русской Православной Церкви усматривает, что в настоящий момент отпали все канонические аргументы к продолжению дальнейшего окормления указанных приходов со стороны Вселенской Патриархии, которое упомянутым определением было установлено, как временная мера, а именно:

1. Нормальные взаимоотношения между русскими православными приходами и Матерью Русской Церковью во всей Западной Европе восстановлены и нет никаких препятствий для их непосредственного, личного и письменного, сношения с Московской Патриархией;

2. Возглавлявший управление упомянутыми приходами покойный Митрополит Евлогий еще в сентябре месяце 1945 г. фактически и формально воссоединился с Матерью Русской Церковью, о чем покойный Святейший Патриарх Вениамин был своевременно извещен Митрополитом Евлогием;

3. С того же сентября месяца 1945 г. и до последних дней своей жизни Митрополит Евлогий фактически находился в юрисдикции Московской Патриархии, выполняя ее распоряжения и не получая никакого ответа от Вселенской Патриархии.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также в предотвращение возможного, недопустимого никакими каноническими оправданиями, раскола среди духовенства и паствы

Постановили:

1. Временную юрисдикцию Вселенской Патриархии над Западно-Европейскими русскими приходами, установленную в 1931 г., считать фактически и формально прекратившей свое действие, а означенные приходы вновь безраздельно находящимися в юрисдикции Московской Патриархии, о чем почтительнейше известить Его Святейшество Вселенского Патриарха Максима.

2. Экзархом Западно-Европейских русских приходов назначить Преосвященного Митрополита Серафима (Лукиянова) со включением приходов его области в состав Западно-Европейского Экзархата.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ **АЛЕКСИЙ**
УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СВЯЩЕННОГО СИНОДА
ПРОТОПРЕСВИТЕР **Н. КОЛЧИЦКИЙ**

ТЕЛЕГРАММЫ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ

І. МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ (ЛУКЬЯНОВУ) ПАРИЖ

Осведомившись о последовавшей 8 сего августа кончине Преосвященного Митрополита Евлогия, Экзарха Московской Патриархии в Западной Европе, Священный Синод 9 сего августа 1946 г. — постановил:

1. Экзархом Московской Патриархии в Западной Европе назначить Ваше Преосвященство со включением приходов Вашей области в Экзархат.

2. Временную юрисдикцию Вселенского Патриарха над Западно-Европейскими русскими приходами считать прекратившейся после воссоединения Митрополита Евлогия с Матерью Русской Церковью, исходя из прямого определения Вселенского Патриарха Фотия II от 17 февраля 1931 года.

Указы об этом высылаются Вашему Преосвященству.

3. Святейшему Патриарху Максиму послать сообщение о Вашем назначении.

Благоволите со своей стороны телеграфно известить Патриарха Максима о Вашем назначении и о вступлении в должность Экзарха Московской Патриархии.

Примите благословение и пожелания успеха в Ваших новых трудах во славу Матери-Церкви.

ІІ. ПАТРИАРХУ МАКСИМУ

Исходя из Определения Святейшего Вселенского Патриарха Фотия II от 17 февраля 1931 года о временном принятии в юрисдикцию Вселенской Патриархии Западно-Европейских русских приходов впредь до установления нормальных отношений с Матерью Русской Церковью и факта установления таких отношений и воссоединения с нами этих приходов, во главе с почившим Митрополитом Евлогием, состоявшегося в сентябре 1945 года, о чем Ваше Святейшество были тогда же оповещены Митрополитом Евлогием, мы с нашим Священным Синодом определили считать временную юрисдикцию Святейшего Вселенского Престола над Западно-Европейскими русскими приходами прекратившейся.

Нашим Экзархом вместо почившего Митрополита Евлогия мы назначили Митрополита Серафима (Лукьянова), пребывающего в Париже.

Братски лобызаем Вашу Святыню, прося святых молитв Вашего Святейшества.

9/VIII—46 г.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Церковная жизнь

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ

8 августа 1946 г. в 7 час. вечера по московскому времени скончался Экзарх Патриарха Московского и всея Руси Митрополит Западно-Европейских православных церквей Евлогий.

Известие о его смерти было получено Святейшим Патриархом Алексием в 10 час. вечера 8 августа. Святейший Патриарх решил послать в Париж на похороны Митрополита Евлогия и для направления церковных дел в Западно-Европейском Экзархате делегацию в составе Митрополита Ленинградского Григория, архиепископа Орловского и Брянского Фотия, секретаря Патриархии Л. Н. Парийского и секретаря архиепископа Фотия С. И. Филиппова. В ночь на 9 августа было сообщено по телефону в Ленинград Митрополиту Григорию и по телеграфу архиепископу Фотию в Орел о необходимости прибыть им в Москву. В полдень 9 августа оба иерарха уже были в Москве, в Патриархии. Благодаря благоволятельному отношению Правительства и, в частности, Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова, все сложные формальности, связанные с получением заграничных паспортов, виз, валюты, билетов на самолеты, были выполнены в течение дня девятого августа.

В 7 час. утра 10 августа делегация Московской Патриархии в указанном составе, провожаемая на аэродроме управляющим делами Московской Патриархии, протопресвитером Колчицким, членом Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Т. Уткиным и пом. председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Н. И. Блиновым, вылетела в Париж.

В 1 час. 45 мин. мы были уже в Берлине. После обеда на аэродроме и краткого отдыха для пассажиров и команды самолета, в 4 часа дня вылетели из Берлина и в 8 час. по московскому времени, а по парижскому в 6 час. вечера, опустились на аэродроме Бурже под Парижем.

На аэродроме встречали епископ Сергиевский Никон, 1-й секретарь Посольства СССР в Париже Н. А. Годунов, благочинный церквей на юге Франции протоиерей Ломак, Парижский благочинный — архимандрит Стефан, редактор «Русских Новостей» А. Ф. Ступницкий, Начальник Братства Св. Фотия — Н. А. Полторацкий, Председатель ЦК и парижского отдела Союза Советских Патриотов С. В. Матяш и др.

Епископ Никон в краткой речи приветствовал делегацию от имени архиепископа Владимира и выразил благодарность Святейшему Патриарху за то, что он прислал делегацию разделить общую скорбь. Митрополит Григорий также кратко благодарил епископа Сергия за приветствие. Редактор Ступницкий А. Ф. тут же роздал делегации последний номер «Русских Новостей». В этот момент начался сильный ливень, все поспешили к автомобилям и направились в Париж.

Мы знали, что Париж — один из самых красивых городов Европы, и первые же впечатления подтвердили это. Мы ехали по прямым, ровным, широким улицам Парижа, обсаженным деревьями в возрасте 50—70 лет, цветущими, покрытыми густой листвой. Мостовые покрыты каменным торцом и находятся в прекрасном состоянии. Улицы обрамлены рядом домов, чрезвычайно красивой архитектуры. Так тянулось по всему протяжению пути. Париж — это цветущий парк с чудными архитектурными зданиями. Нас поразило почти полное отсутствие народа на улицах. Нам объяснили, что август — каникулярный месяц, когда все парижане уезжают на отдых. Частные магазины запираются, и вся жизнь в Париже замирает. Кроме того, в субботу с полдня деловая жизнь уже прекращается, в воскресенье — общевыходной день, в понедельник магазины также закрыты. В праздник Успения магазины тоже были закрыты. На улицах много велосипедистов. На велосипедах перевозят кладь, тяжести, встречаются двойные велосипеды: на одной раме два руля и две ножные педали.

Нас привезли на Avenue Monataigne в Hôtel Athénée. Отель Athénée один из лучших в Париже.

Вскоре по прибытии нашем в гостиницу явился протоиерей Евграф Ковалевский — настоятель православной французской церкви в Париже, он же и ректор Богословского Института св. Дионисия и Н. А. Полторацкий — Нач. Братства св. Фотия. С этого часа Н. А. Полторацкий самоотверженно отдал всего себя на служение делегации и был с ней до последнего момента отъезда Митрополита Григория с Л. Н. Парийским из Парижа. Спустя несколько времени явились архиепископ Владимир, епископ Никон, архимандрит Стефан и протопресвитер Сахаров — настоятель б. Посольской церкви на Рю-Дарю. Беседа прежде всего шла о смерти и последних днях жизни Митрополита Евлогия. Из беседы выяснилось, что литургия, которую Митрополит Евлогий совершил совместно с Митрополитом Николаем (Крутицким) и Митрополитом Серафимом (Лукияновым) в ознаменование воссоединения Митрополита Евлогия с Русской Церковью, была последней в его жизни. Последнее появление Митрополита Евлогия в церкви, было тоже связано с выдающимся событием — Указом 14 июня 1946 г. о праве эмигрантов на получение советского гражданства. 28 июня в церкви на Рю-Дарю по случаю Указа 14 июня был отслужен в присутствии Митрополита Евлогия благодарственный молебен. Митрополит Евлогий не мог служить и просидел весь молебен в кресле на солее. Он сказал несколько слов, ярко характеризующих его отношение к Московской Патриархии и к Родине. «Для всех нас, — сказал Митрополит Евлогий, — этот день есть день большого праздника. Это — день соединения нашего с великим русским народом. Я встал с одра болезни, чтобы поздравить вас со светлым днем воссоединения с нашей Родиной». Митрополит Евлогий сделал распоряжение, чтобы во всех церквях епархии были совершены благодарственные молебны по поводу этого знаменательного события (№ 60 «Русские Новости» от 5 июля 1946 г.), написал письмо послу Советского Правительства во Франции Богомолу А. Е. и предложил духовенству воспользоваться предоставленным правом получить советское гражданство.

В первых числах августа здоровье Митрополита Евлогия резко ухудшилось, и с воскресенья 4 августа началась медленная агония. Последние слова Митрополита Евлогия были произнесены утром 5 августа о соединении всех по образу Св. Троицы, о сохранении церковного единства. В час нашего приезда происходил вынос тела почившего из его покоев в храм. Гроб был наглухо закрыт и уже не открывался.

Портрет покойного Митрополита Евлогия, Экзарха Московской Патриархии в Западной Европе, присланный Святейшему Патриарху Алексию с автографом (см. на обороте)

Его Святейшеству.

Святейшему Алексію Патрiарху Московскому и всея
Руси, в молитвенную и благодарную память о великих
трудностях возвращеніи въ спасительное натеужное лоно
св. Православной Русской Церкви —

нижайшій послушник

+ Евлогій Митрополитъ, Экзарх Патрiарха
Московского и всея Руси.

Автограф Митрополита Евлогія

Гроб был поставлен в церкви на Рю-Дарю, покрыт мантией. К гробу была привинчена металлическая табличка с краткой надписью: «Митрополит Евлогий, глава Западно-Европейских русских православных церквей. 1868—1946». На гроб положена небольшая икона преп. Серафима Саровского. Рядом с иконой — собственное Евангелие Митрополита Евлогия. Тут же установлены дикирий и трикирий. Слева у изголовья — митра, справа — клобук Митрополита Евлогия и четки. У ног — по одной стороне гроба предносный крест, по другой — архиерейский посох. Гроб был окружен цветами и венками. Непрерывно, сменяя один другого, днем и ночью священнослужители читали Евангелие. Двери храма не затворялись, и верующие могли приходить в храм даже ночью для прощания с почившим.

На другой день в воскресенье, 11 августа, мы приехали в церковь на Рю-Дарю к обедне. Священник собора протоиерей А. Чекан встретил нас и провел в алтарь. Литургию служил архиепископ Владимир с епископом Иоанном и с местным причтом. После запричастного настоятель протоиерей Сахаров произнес краткое слово в память почившего. После литургии совершил панихиду Митрополит Григорий в сослужении с архиепископом Владимиром, архиепископом Фотием и епископом Никоном. Митрополит Григорий произнес следующее слово: «С далекой Родины я привез вам, братие, привет и благословение Святейшего Патриарха Алексия. Церковь Русская шлет своим находящимся в рассеянии чадам благословение, любовь и молитвы. Мы помним вас, любим вас и молимся за вас. Молимся, чтобы вы, пребывая здесь, созидали свое спасение. Много разных тенденциозных слухов распространяется здесь среди вас и о Родине нашей и о Церкви нашей, слухов в своей значительной части совершенно неверных, пристрастных. Но, смею заверить вас: я — старый священник, служу с 1897 г., и вот, как тогда давно, так и теперь, мы чувствуем себя совершенно свободно в отправлении своей религиозной совести, созидании своего спасения. В суждениях о жизни Церкви не надо преувеличивать внешних условий ее существования. Мы пережили, конечно, и тяжелое время в экономическом отношении, и другое прочее, но Церковь, тем не менее, всегда, все время жила, действовала, а теперь, слава Богу, процветает лучше, чем раньше и свободнее. Итак, вы здесь, думая о нас и молясь за нас, как и мы за вас, знайте и не смешивайте внешних условий жизни с внутренней церковной жизнью, которая идет у нас спокойно, канонически верно и благотворно. Я счастлив передать вам еще раз привет и благословение Святейшего Патриарха на вашу жизнь, на ваши труды и спасение».

В воскресенье в 3 часа дня делегации нанес визит Митрополит Серафим (Лукиянов) с протоиереем В. Тимофеевым и секретарем епархиального совета А. В. Филоновым. Митрополит Серафим говорил очень твердо и ясно о своей верности Московской Патриархии. Он поместил уже несколько статей в местной газете о русских церковных делах, подтверждающих его твердую линию в отношении признания Московской Патриархии.

В 6 час. вечера Митрополит Григорий в сослужении многочисленного духовенства совершил парастас. На другой день, в понедельник, Митрополит Григорий в сослужении с Митрополитом Серафимом, архиепископом Владимиром, епископом Никоном и многочисленным духовенством, до 40 чел. совершил литургию и отпевание. На отпевание прибыл престарелый епископ Иоанн. В храме присутствовали почетные гости и делегаты от инославных церквей: викарий парижского католического архиепископа Боссар, монсиньер Дюмон, от протестанской церкви

пастор Марк Бегнер, специально прибывший на погребение Митрополита Евлогия из Лондона на самолете, присутствовал представитель архиепископа Кентерберийского — настоятель парижской англиканской церкви, настоятель греческой церкви в Париже, представитель румынской церкви во Франции архимандрит Теофил Ионеско, француз архимандрит Жорж Жуаньи, делегаты от сербской и армянской церквей. Храм был полон молящимися. Многие стояли во дворе.

После запричастного стиха ректор Богословского Института протоиерей Зеньковский произнес слово: «Почивший был архипастырем, отцом, другом нашим. Он обладал необыкновенной широтой сердца. Всем не тесно было в его сердце. Мы удивлялись, иногда раздражались, как он мог с любовью принимать людей самых разнообразных направлений. Он мог по Апостолу сказать: «вам не тесно в моем сердце». Эта широта его всеобъемлющей любви — тайна его сердца, которую мы не могли разгадать и которой, по своей ограниченности, не могли понять. Но не об этом только я хотел сказать. Я должен сказать, как представитель Богословского Института, о той любви, которую почивший архипастырь оказывал этому рассаднику христианской мысли. Богословский Институт был его детищем, он создал его, заботился о нем, был бессменным руководителем его до своего последнего вздоха. Не все понимали и понимают значение Богословского Института: некоторые думают: к чему богословие, к чему богословствовать, когда есть Церковь — храм, есть богослужение, где верующий может жить всей полнотой церковной жизни. Но почивший архипастырь знал и любил богословие, он знал, что христианская мысль должна найти себе место для высказывания и он собрал в Богословском Институте ученых, имена которых доставили славу и честь не только Институту, не только русской эмиграции во Франции, не только русской эмиграции вообще, но славу и честь всему православному миру. Имена и труды ученых Богословского Института известны всему миру. Институт занимал скромное помещение и в начале своего существования не имел никаких средств. Почивший архипастырь всегда заботился и о материальных средствах для Института и много сделал в этом отношении для него. Я был с Митрополитом Евлогием на многих съездах международного значения и видел, с каким уважением относились к нашему митрополиту ученые разных направлений, из разных стран».

Перед началом отпевания епископ Иоанн произнес краткое слово.

Вслед за речью епископа Иоанна Митрополит Григорий произнес следующее слово: «Мы собрались, братие, отдать последний долг почившему Архипастырю здешнего церковного стада, Преосвященному Митрополиту Евлогию. Он стоит теперь пред лицом Вечной Правды, в лучах божественного света. Ею он озирает просветленными очами свой пройденный земной путь и трепетно ждет решающего слова Праведного Судии».

Почивший Владыка, как только позволили внешние обстоятельства, с окончанием Отечественной войны, сразу и без колебаний стал на твердую и ясную позицию необходимости восстановления церковной и юридической связи с Московской Патриархией.

Ему пришлось преодолеть много препятствий на этом пути, но он твердо и неуклонно шел к намеченной цели. В этом его огромная заслуга и перед Церковью и перед Родиной. Верим, что любовью к братьям и жадой их спасения одушевленные труды почившего Господь вменит ему — Своему верному рабу.

Мы, пастыри, в особенности должны помнить слова нашего Пастыреначальника: «Когда совершили все повеленное вам, говорите, что мы

рабы непотребные, потому что сделали только то, что должны были сделать»...

Душе почившего нужен теперь вечный покой в Господе. И он ждет теперь от всех, кто знал его, кто ценил его, кто любил его, кому служил он, — ждет только усердной молитвы, чтобы Господь простил ему всякое прегрешение, совершенное им здесь на земле по немощи человеческой, чтобы принял его Господь в Свои светлые обители и дал вечный покой его душе с праведными.

Вознесем же наши усердные молитвы о нем ко Господу».

К отпеванию прибыли Советник Посольства СССР А. Г. Абрамов, подполковник Лугачев, консул СССР Н. П. Емельянов, секретарь консульства С. Хрипков. Отпевание окончилось около 2 часов дня. Под погребальный перезвон колоколов и пение ирмосов: «Помощник и Покровитель» — гроб с телом почившего иерарха был обнесен крестным ходом по уставу вокруг храма и водружен на автомобиль. Автомобиль направился на кладбище Сэн-Женевьева-де-Буа. За ним следовали посольские и частные автомобили, автокары с духовенством, с друзьями и почитателями покойного Митрополита. Чем ближе к Сэн-Женевьева-де-Буа, тем больше попадалось по дороге машин, спешащих на кладбище.

У ограды, пред Успенской церковью, построенной в русском стиле, с отдельной звонницей, с березками в ограде, шествие встретил причт Успенской церкви. Гроб Митрополита Евлогия был принесен в храм. Митрополит Григорий в сослужении с о. Л. Леперовским, совершил литию. Пел местный церковный хор. Затем гроб обнесли вокруг храма при пении ирмосов хором Александро-Невской церкви на Рю-Дарю и медленно опустили в крипту. Там совершена была Митрополитом Григорием последняя лития, после чего гроб опустили в склеп и заложили тяжелыми каменными плитами. В саду перед церковью, под сенью берез, были раскинuty шатры-палатки для поминальной трапезы, угощали всех бесплатно в память почившего. Так любил угощать при своей жизни Митрополит Евлогий народ на престольных праздниках. Вспоминали, что в день своей хиротонии Владыка Евлогий предложил трапезу под открытым небом всем бедным. После трапезы делегация обошла кладбище. Оно в полном порядке. На нем захоронено уже более 1000 чел. русских. На могилах с каменными и деревянными крестами встречается много знакомых имен, значительных в прошлом. Предполагается перенести сюда с других кладбищ прах Шаляпина, Коровина, Бальмонта, А. Глазунова, чтобы сделать это кладбище настоящим некрополем русской эмиграции.

Л. ПАРИЙСКИЙ

**ПОСЛАНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО СЕРАФИМА,
ЭКЗАРХА ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

Возлюбленные о Христе Преосвященные Архипастыри, пастыри, и верные чада Экзархата Западно-Европейских православных русских приходов.

«Мир братьям и любовь с верою от Бога Отца и Господа Иисуса Христа». (Ефес. VI, 23).

Изволением Святейшего Отца нашего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода я назначен Экзархом Православных русских приходов в Западной Европе, вместо скончавшегося 8 сего августа Высокопреосвященного Митрополита Евлогия.

Приняв на себя этот новый жребий служения своей Матери Русской Церкви, я почитаю своим священным долгом обратиться ко всем вам с призывом объединиться в единое духовное стадо под высшим духовным водительством Первосвятителя и Отца, Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, почитая его единственным нашим Высшим Архипастырем и кормчим родной нашей Церкви, и прекратить всякие церковные разделения, доселе у нас еще существующие и далеко не изжитые.

К глубокому сожалению, мы, русские, живущие в разных странах мира, все еще разрознены, разъединены, разбиты по разным юрисдикциям и Церквам. Наше русское духовное стадо все еще блуждает по разным церковным дворам, все еще чего-то ищет, мятется, волнуется, и не находит себе покоя, мира и тихого пристанища. Отсюда наши русские муки и страдания. Но пора и прекратить эти распри. Пора прекратить искания разных духовных Вождей по своим личным и греховным вкусам и настроениям. Пора всем войти в единый духовный двор — в лоно своей Матери Русской Церкви. Зачем пренебрегать своей Матерью, родною, великою, славной Церковью, сияющей во всем мире своею верою, подвигами и молитвами, украшенною чудным сонмом святителей, мучеников, исповедников и преподобных? Для чего уходить от родных русских алтарей и святынь? Почему нужно отвращаться от своих великих Первосвятителей — Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Гермогена, восседавших на московской кафедре? Неужели русские забыли своих русских светильников? Неужели русские забыли свою духовную колыбель и не помнят свою духовную родину? Разве у нас нет своих русских архипастырей? Разве мы, русские, не имеем своего родного русского Патриарха? Разве оскудела Божия благодать на нашей родной земле? Разве ее покинули наши чудотворцы? Разве мы, русские, перестали верить в свою великую русскую Церковь?

Неужели русские могут забыть свою родную историю и оторваться от нее? Да не будет всего этого с нами! Все наши церковные разделения — болезни. Но разве хорошо, полезно жить болезнями? И вредно, и опасно, и страшно. Но от нас самих зависит перестать болеть и стать здоровыми. Для этого нужно обратиться в тайники своего сердца и спросить свою совесть — не погрешили ли мы против своей родной Матери — Русской Церкви? Не пора ли тебе бросить блуждания и расколы и с покаянием в душе войти в спасительный двор своей Церкви, где ты найдешь свой родной, великий русский народ, верующий во Христа и любящий свою Церковь. Особенно об этом должны подумать наши пастыри. Совесть должна подсказать им, что они приняли благодать священства у русского алтаря, что на них возлагали руки русские святители.

Сейчас совершается великий исторический процесс собирания русского церковного стада, рассеянного волею судеб Божиих по всему миру. И мы все — Епископы, пастыри и миряне должны принять самое живое, деятельное участие в этом спасительном деле. Мы должны поработать, потрудиться в деле церковного объединения, а не стоять в стороне, не быть сторонними зрителями событий и тем более не противиться этому святому делу, памятуя, что Господь взыщет нас за грехи разделений и расколов на Своем Страшном суде.

Пусть не говорят нам, что призывая всех русских к церковному объединению вокруг Русского Патриарха, мы проповедуем церковный шовинизм, господствующий, к сожалению, в некоторых национальных церквях. Нет. Признавая себя членами Единой Вселенской Православной Церкви, мы указываем только на нормальный канонический строй своей национальной Церкви, имеющей, как и все другие Поместные Церкви, свое место, свои права и свою историю. Нашу Русскую Церковь обвинить в шовинизме нет оснований. Она полна Христовою любовью ко всем Церквям и готова оказывать им свою братскую помощь, когда они страдают.

Пусть же русские сыны рассеяния достойно оценят наши призывы к церковному миру и объединению под светлым знаменем нашего канонического, всеми Церквями признанного Патриарха, преемника Великих Московских Первосвятителей.

Пусть все иерархи нашего Экзархата, пастыри и пасомые исполнятся молитвою: «Да будем едино стадо и един Пастырь». (Иоан. X, 16). В этом залог нашего спасения во Христе.

11 августа 1946 г.

**ЭКЗАРХ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ,
МИТРОПОЛИТ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ
РУССКИХ ЦЕРКВЕЙ СЕРАФИМ**

Х Р О Н И К А

Архимандрит Гурий (в миру Вячеслав Михайлович Егоров) назначен епископом Ташкентским и Средне-Азиатским.

Архимандрит Гурий родился в 1891 г., окончил Петроградскую Духовную Академию со степенью кандидата Богословия, состоял наместником Троице-Сергиевой Лавры.

22 августа 1946 года в зале заседаний Священного Синода было совершено наречение архимандрита Гурия во епископа Ташкентского и Средне-Азиатского. Чин наречения совершали: Святейший Патриарх, Высокопреосвященный Митрополит Крутицкий Николай и епископ Можайский Макарий.

25 августа 1946 года в Патриаршем Богоявленском соборе за Божественной Литургией была совершена хиротония архимандрита Гурия во епископа Ташкентского и Средне-Азиатского. Хиротонию совершали Святейший Патриарх, Высокопреосвященный Митрополит Ленинградский Григорий, Преосвященный епископ Калужский Онисифор и Преосвященный епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор.

**НАГРАЖДЕНИЕ МОСКОВСКОГО ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МЕДАЛЬЮ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ
ТРУД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.»**

В субботу 31 августа 1946 года состоялось торжественное вручение Московскому духовенству медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Первым по списку значится Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Его Святейшеству медаль была вручена в Патриархии перед началом заседания в Совете по делам Русской Православной Церкви.

Заседание в Совете по делам Русской Православной Церкви открылось ровно в два часа. За столом Президиума присутствуют секретарь Моссовета т. Соколов, Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви т. Карпов и члены Совета.

Георгий Григорьевич зачитывает Постановление Исполнительного Комитета Московского Совета Депутатов Трудящихся от 27 августа 1946 года. Один за другим награжденные священнослужители подходят к столу Президиума, секретарь Моссовета вручает им медали. Они молчаливо благодарят, крепко пожимая руку представителю советской власти.

Страшные военные годы стали уже историей. Постепенно забываются те невероятные трудности, лишения, постоянное напряжение, ценою которых советский народ отвоевал свою свободу и независимость. Снова перед советским народом открыта широкая дорога мирного социалистического творчества и созидания. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР предусматривает невиданный еще расцвет во всех областях — в экономике, в науке, в искусстве нашей страны. Советские трудящиеся соревнуются в быстрейшем выполнении поставленных перед ними задач.

Награждение в эти дни медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» православного духовенства лишний раз показывает, как высоко оценивается патриотическая работа церковных служителей, какое значение придается их участию в общегосударственной жизни.

С первого дня войны православное духовенство, не колеблясь, избрало свой путь вместе с народом. В проповедях, в воззваниях к верующей части населения служители Церкви разъясняли задачи текущего момента, призывали, даже в ущерб личному благополучию, пожертвовать всем для спасения Родины. Они утешали скорбящих и унывающих, укрепляли колеблющихся, вливали новые силы в уставших, сгибающих-

ся под тяжестью неустанный труда и утративших душевное равновесие в беспокойстве за близких. И в этом огромная заслуга православного духовенства. Многие из священнослужителей сами переживали ту же усталость, то же страдание за близких, находящихся на фронте. Нужно иметь большую нравственную стойкость, чтобы, не показывая своих переживаний, всегда находить слово утешения для других.

Православные верующие, внемля призывам своих духовных пастырей, собирали значительные средства на оборону страны. Это тоже заслуга духовенства. Но среди награжденных немало таких, которые вносили на общее патриотическое дело свои личные сбережения. По призыву духовенства и среди духовенства было собрано много теплых и других, нужных фронтовикам и раненым, вещей. И это тоже был вклад в победу над Германией.

На средства, собранные Православной Церковью, была построена танковая колонна имени Димитрия Донского. Миллионы рублей вносились на вооружение Красной Армии. В частности, в марте 1944 года духовенство и верующие Москвы передали 1 000 000 рублей на строительство самолетов. Неоднократно Иосиф Виссарионович Сталин благодарил персонально служителей Церкви.

И во время войны и после войны духовенство не забывает о сиротах, обездоленных семьях, инвалидах. В православных храмах собираются средства на помощь им. И это является не только материальной, но и моральной поддержкой. Забота о ближнем укрепляет христианские добродетели.

Православное духовенство в Великую Отечественную войну показало, что защита Родины—его кровное дело, что защита советской власти ему дорога и близка, как и всем трудящимся Советского Союза.

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» награждены: архиепископ Дмитровский Виталий, архиепископ Чешский и Пражский (б. Ростовский) Елевферий, епископ Можайский Макарий, протопресвитер Николай Колчицкий, протоиерей Александр Смирнов, Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Иоанн, благочинные Московских округов, протоиереи: Стефан Марков, Павел Цветков, Федор Казанский и многие настоятели Московских храмов.

Из служащих Московской Патриархии награждены: Парийский Л. Н., Сергиенко А. П. и Попандопуло Л. К. Всего награждено тридцать шесть человек.

Несколько ранее в Кремле медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» т. Шверником была вручена Митрополиту Крутицкому Николаю.

В Совете по делам Русской Православной Церкви, после вручения медалей с ответной речью выступил от имени Московского духовенства протопресвитер о. Николай Колчицкий.

«Позвольте мне от лица всех награжденных, — сказал он, — выразить глубочайшую сердечную благодарность нашему Правительству за высокую честь, оказанную нам. Мы, рядовые церковные работники, в этом награждении медалью «За доблестный труд», в этой великой оценке наших скромных пастырских трудов видим, что покойный Святейший Патриарх Сергей, сам горя патриотической любовью, нашел верный путь для Церкви. Вновь избранный Святейший Патриарх Алексий продолжает нас также вести по этому правильному пути. И мы можем смело заверить наше Правительство, что и в дальнейшем приложим все свои силы и старания в своей работе по пастырству и в патриотических делах на благо Церкви и на благо нашей дорогой Родины.

Мы глубоко воодушевлены награждением этой медалью. Под водительством нашего Святейшего Патриарха Алексия мы будем еще усерднее работать и на пастырском и на патриотическом поприще и мы уверены, что Русская Православная Церковь достигнет еще большего расцвета и процветания. Для этого у нас имеются все условия. Совет по делам Русской Православной Церкви и его председатель Георгий Григорьевич Карпов с большим вниманием относится ко всем нашим нуждам и оказывает нам помощь и поддержку во всех затруднительных случаях.

Мы просим передать нашу глубочайшую сердечную благодарность нашему Правительству и великому вождю всех народов Советского Союза — нашему дорогому Иосифу Виссарионовичу за ту высокую оценку, которую мы получили сегодня, когда нас наградили медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Следующим выступил секретарь Московской Патриархии Лев Николаевич Парийский.

«Разрешите мне от лица мирян сказать,—произнес он,—что мы польщены оказанным нам вниманием Правительства за наши скромные труды. Мы сердечно и искренно благодарим Правительство и заверяем, что как в дни войны, так и в дни мира в меру наших сил и умения будем работать на пользу нашей дорогой Родины».

В заключение Георгий Григорьевич Карпов поздравил награжденных.

«Разрешите мне от имени Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и от себя лично поздравить вас с достойным награждением медалью «За доблестный труд» в период Великой Отечественной войны и пожелать Вам успеха в Вашей церковной деятельности и пожелать Вам также здоровья на долгие, долгие годы».

Эти несколько теплых слов Г. Г. Карпова были встречены таким же теплым «спасибо».

Два года назад в этих же стенах происходило награждение Московского духовенства медалями «За оборону Москвы». Многое изменилось с тех пор в международной обстановке. Но попрежнему понимание и доверие остаются неизменными во взаимоотношениях Русской Православной Церкви и Советского государства.

АНТОНИНА ШАПОВАЛОВА

речи, проповеди

СМЕРТИ НЕТ

С л о в о,

сказанное в Успенской церкви Новодевичьего монастыря
г. Москвы

Сегодня — день Успения Божией Матери. Воспоминаемое нами священное событие — не повод для скорби и печали; совсем напротив: это день светлой радости и торжества. Божия Матерь не умерла: сегодня Она начала новую жизнь, сегодня — начало Ее небесного материнства для всех тех, кто пошел, идет и пойдет за Ее Божественным Сыном, как за своим Учителем и Отцом. Как в день Святой Пасхи, ликуя, мы поем: «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав», так сегодня, с чувством духовного восторга, мы восклицаем: «Преставилася еси к животу, Мати сущи Живота»... Эти святые слова радостным эхом отдаются в наших душах, и ликующее верующее сердце вторит этим словам: смерти нет, смерти нет! В этом — величайший урок сегодняшнего праздника: проповедь той истины, которая является высшей радостью, наибольшим счастьем для верующей души — смерти нет, мы не умрем никогда!

Нет большего несчастья на земле, чем смерть; нет ничего, что возбуждало бы в нас такой страх, как смерть. Любая болезнь, и самая тяжелая, любое страдание и бедствие бледнеют перед лицом смерти. Никто не хочет смерти. Мы все отвращаемся от нее. Только больные духом ищут ее. Мы часто можем видеть старца, утружденного годами, обремененного многими старческими недугами, — и все же он хочет жить и не хочет умирать. О чем это говорит? О том, что мы носим в себе предощущение своего бессмертия.

В каждом из нас врожден инстинкт самосохранения. При всякой грозящей нам опасности мы невольно вздрагиваем, поднимаем руки для защиты себя. Прежде чем внезапно надвинувшаяся опасность дойдет до нашего сознания, мы уже защищаем свою жизнь. О чем это говорит? О том, что не для смерти мы созданы, а для жизни. Ни один из врожденных инстинктов не может быть ложным. И нет большего утешения для верующего сердца, как знать, что смерти нет.

Первый человек был создан бессмертным. Люди никогда не должны были знать смерти. Но после того, как этот первый человек не исполнил, живя в раю, воли Божией и согрешил, — в жизнь человека вошла смерть, как следствие его греха. Человек стал смертен по телу, оставаясь бессмертным своей душой. Но, отдаваясь греховной жизни, опускаясь все ниже по лестнице греха на самое дно пороков и страстей, человек стал забывать о своем бессмертии. Он стал вести исключитель-

но животную жизнь, отдавая ее только заботам о земной жизни и нечистым удовольствиям, не думая и уже не зная о том, что его ждет по смерти. Лишь немногие лучшие люди ветхозаветных времен сумели сохранить в себе память о своем бессмертии и веровали в него. Один из них — псалмопевец Давид восклицает: «Ты не оставишь души моей во аде, и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс. 15, 10).

Конечно, многие наблюдательные и пытливые умы, даже и среди ветхозаветного человечества, неоднократно хотели приподнять завесу, скрывающую от них посмертное будущее. Наблюдая за природой, люди не могли не видеть того, что все в природе умирает для того, чтобы вновь родиться, воскреснуть: солнце заходит, чтобы взойти утром следующего дня; луна ущербляется, умалается, чтобы в свое время родиться вновь; семя, опущенное в землю, сгнивает и после этого дает росток и стебель; природа зимой умирает, чтобы весной с теплом опять ожить. Неужели, — мог думать человек, и мы знаем, что так многие и думали, — он, венец творения, хозяин природы, умирая, навсегда уходит с лица земли и превращается в прах земной? Почему же ум человеческий так стремится к знаниям, хочет охватить возможно их больше? Почему сердце человека так привязывается к людям, загорается такой крепкой и постоянной любовью, если человек смертен и смерть должна в нем оборвать всю его внутреннюю умственную и духовную жизнь? Ведь это было бы насмешкой природы над человеком. Все это пытливому человеческому уму не могло не говорить о том, что предощущение бессмертия врождено человеку, но человеческий ум сам по себе был бессилен эту тайну понять и приподнять завесу над будущностью человека.

Но вот, в сроки, предоставленные в Совете Божиим, взошло над землей Солнце, взошло, чтобы никогда не заходить, и во свете этого Солнца все неясное, только предощутимое, стало ясным. Пришел на землю Сын Божий в образе Господа нашего Иисуса Христа, и люди услышали из Его уст такое волнующее, напояющее их радостью, слово: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ио. 3, 36).

Господь Иисус Христос в дни земного Своего служения людям показал Себя хозяином жизни и смерти человека: Он подошел к 12-летней дочери Иаира — начальника синагоги, лежавшей мертвой на одре, и воскресил ее. Утешая наинскую вдову, потерявшую своего единственного сына, Он совершил чудо воскрешения этого юноши на глазах многочисленной толпы, когда встретился с погребальной процессией при входе в город Наин. За шесть дней до Своей смерти, Он вернул жизнь четверодневному, уже смердевшему, мертвецу Лазарю, и это чудо, совершенное также на глазах толпы, вызвало бурное его ликование. Наконец, сам Он, умерший на кресте и положенный во гроб, встал из мертвых в третий день по писанию. Своим воскресением Он утвердил на вечные времена истину бессмертия человеческой души. Эту истину подтвердило Успение Божией Матери, душа Которой, а затем и тело были вознесены Ее Сыном на небо; вечно живой мы знаем Свою Небесную Мать.

Смерти нет.

Теперь из божественного откровения мы все знаем о смерти и своей будущей жизни. Мы знаем: то, что принято называть смертью, не есть только остановка дыхания и биения человеческого сердца. На языке церковном эта минута называется таинством смерти; тогда совершается вонистину тайна: бессмертная душа разлучается с телом, покидая его, как свое временное жилище, и, как сказано в слове Божиим,

«возвратится прах в землю, чем он и был, а дух возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл. 12, 7).

Мы знаем теперь, что не умрет ни наше сознание, ни все те чувства, с которыми мы здесь живем, и в условиях новой загробной жизни все это раскроется во всей своей глубине и силе. Наша вера учит тому, что на сороковой день по смерти совершается Господом предварительный суд над душой человека. В течение этих первых сорока дней по смерти душа человека проходит через «мытарства», через особый путь истязаний, на котором вспоминает грехи своей жизни и бичует себя за нее, а в третий, девятый и сороковой день приводится к Богу для поклонения. При последнем поклонении в сороковой день душа по суду Божию получает предопределение или к вечным радостям, или к мукам.

Господь наш так милосерд, что не оставляет без любви Своей те грешные души, которые предстают перед Ним и слабыми верою, и лишь с начатками покаяния, не укрепив первой и не довершив второго на пути своей земной жизни. По молитвам Церкви, силой бескровной жертвы, приносимой за этих умерших, действием милостыни за них облегчается участь этих грешников, и они не лишаются надежды на прощение и вечные радости.

Все те души, которые принесут с собою в вечную жизнь чистые и святые чувства: любовь к Богу, добрые дела, смирение, душевную и телесную чистоту, найдут в этих святых чувствах, для себя источник возвышенной радости. Души святых, угодившие Богу своей праведной, святой жизнью на земном их пути, получают по смерти не только предопределение к блаженству, но и полноту его; вместе с тем получают от Бога силы и дерзновение молиться за нас и оказывать нам небесную помощь.

Придет и день последнего Суда Божия, называемого Страшным. Из слов Христовых мы знаем, что мы предстанем на этом Суде не только своей бессмертной душой. Перед ним, силой Божией, по звуку трубы архангела, воскреснут мертвые. Где бы ни находился прах людей — в земле ли, на дне ли морей и океанов, — и земля, и вода отдадут своих мертвецов. Воскресшие тела, по учению нашей веры, восстанут преображенными, обновленными, свободными от наших теперешних немощей и нужд, восстанут для того, чтобы соединиться с бессмертной душой каждого из нас. На Страшном Суде Божиим каждый из нас должен дать ответ во всем, что он сделал в жизни своей земной.

По слову Божию, одни из нас на этом Суде будут названы «благословенными», которым предназначено царствие небесное, другие — проклятыми, идущими в муку вечную. Почему так неодинакова будет участь людей: вечная радость и вечная мука? Св. апостол Павел на это отвечает: «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6, 7). И в другом месте он же сказал: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд. И звезда от звезды разнится в славе» (I Кор. 15, 41).

Каждый из нас сам себе готовит участь. И будущие муки, и будущие радости для каждого из нас будут плодом той жизни, какою живет и с какой умрет каждый из нас. Та «награда» нищим духом, кротким, милостивым, о которой говорит Господь в Своих заповедях о блаженствах, не будет какой-то внешней наградой человеку за его подвиги, но будет продолжением и углублением того счастья жить с Богом и исполнять Его святую волю, какое истинный раб Божий уже носит в земной своей жизни.

Путь к вечным радостям нам указан в святом Евангелии. Господь наш и приходил на землю для того, чтобы, указав нам этот путь, позвать нас идти за Ним этим путем к царству будущего века. Он же и

сказал нам в одной Своей притче: «Раб тот, который знал волю господина своего и не делал по воле его, бит будет много» (Лук. 12, 47). Мы все знаем Его святую волю, — мы ее должны исполнить в своей земной жизни. Мало того, что мы знаем эту волю Божию, нам Богом даны все средства помочь в деле исполнения этой воли. Нам дано слово Божие, вечно новое, всегда живое, неиссякаемое в своей глубине, которое освещает нам этот путь, которое как солнце согревает нас на этом пути. Оно спасает нас от отчаяния, от уныния, от состояния безнадежности. Уже одно слово Христово: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас», или другое слово: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Ио. 14, 18) — имеют силу поддержать и вдохновить страдающее, одинокое, больное сердце.

Господь дал нам Свои святые храмы, чтобы в них на пути к вечной жизни мы питали себя нетленной божественной пищей, чтобы в них мы утоляли свой духовный голод и жажду. В наших храмах преподается нам та небесная пища, о которой сказал Спаситель, как об условии получения вечного блаженства: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». (Ио. 6, 53). «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ио. 6, 56).

Господь дает нам на пути земной жизни Свою благодать — эту Свою божественную силу, укрепляющую нас в деле исполнения Его святой воли. Эту благодать вы получаете в наших храмах через благословение, крестное знамение, целование икон, помазание святым елеем, окропление святой водой; нам подается и особая благодать, необходимая для рождения и развития в нас духовной жизни, в святых таинствах — крещения, миропомазания, покаяния и других.

Для того, чтобы никто не чувствовал себя одиноким на земле и не страдал от одиночества, Господь соделал для всех нас Свою Мать нашей Небесной Матерью. Для нас, для нашего спасения Он подает через бесчисленный сонм святых угодников Свою любовь, Свою помощь, Свою ласку. С высоты неба к нам протянуты тысячи незримых рук святых людей с целью помочь нам во всех наших земных нуждах и обстоятельствах. И мы все идем к жизни вечной, окруженные помощью Божией, Его заботами, Его благословениями. Так будем же достойными этих забот о нас нашего Небесного Отца!

Смерти нет, но к смерти надо готовиться всю жизнь, потому что смерть — это дверь в вечность. Какое это великое, ни с чем несравнимое, счастье — наше бессмертие! Святой Григорий Богослов, рассуждая о бессмертии в одном из своих слов, говорит: «У меня дух замирает, когда я представляю себе то нескончаемое будущее, которое лежит предо мной». Перед духовным взором каждого из нас раскрывается дивное, святое зрелище, о котором нам говорит слово Божие: прекрасный нерукотворенный небесный Иерусалим — тот духовный город, обитатели которого будут наслаждаться вечным блаженством в будущей жизни. Солнцем, освещающим этот небесный город, будет сам Господь Иисус Христос. В нем никто не будет знать слез, скорбей и болезней и, охваченный радостью вечного общения с Небесным Отцом, не будет и вспоминать о своих земных слезах и страданиях. У раскрытых дверей этого Небесного Иерусалима встречает души людей сам Хозяин этого града — наш Небесный Отец. Для того Сын Божий и приходил на нашу землю, чтобы никто из нас не погиб, но каждый из нас стал участником вечных радостей в этом небесном граде.

Не будем же спускать своего духовного взора с Небесного Иерусалима на всем пути нашей земной жизни! Пусть он влечет нас к себе и вдохновляет своей красотой на подвиги ради спасения наших душ! Смерти нет. Спасем же души свои для вечной жизни! Божия Мать да будет Одигитрией — Путеводительницей нашей на всем нашем жизненном пути!

МИТРОПОЛИТ НИКОЛАЙ

С л о в о
в праздник Вознесения Господня
30 мая 1946 г.

Когда Христос Спаситель вознесся на небо, то апостолы с недоумением и скорбью смотрели вслед Вознесшемуся. Тогда явились два ангела и в утешение апостолам сказали, что вознесшийся на небо Иисус снова придет, но не как приходил он в первый раз — через воплощение и для пребывания среди людей в обычных условиях земной человеческой жизни, а так, как и вознесся, т. е. явится с небесе, на облаках. Эти слова ангелов напомнили апостолам то, что говорил не раз и сам Христос, именно, что он придет во славе, на облаках небесных, окруженный множеством ангелов, чтобы судить живых и умерших, которые тогда все воскреснут (Матф. 25, 31; 26, 64; Мрк. 14, 62). С тех пор все верующие во Христа, начиная с Апостолов, ожидали и ожидают второго пришествия и Страшного Суда Христова. Правда, последний суд над родом человеческим есть событие не похожее ни на что, что было и есть в жизни людей, и мы не можем ясно представить себе это исключительное событие. Но как бы оно ни было необыкновенно и исключительно, оно все же, несомненно, некогда совершится. Ведь все обетования и все предречения Христа исполнились и исполняются, как исполнились и исполняются и все обетования и предречения, данные Богом в Ветхом Завете через пророков. По слову Христову, ни одна йота, ни одна черта Божия откровения не останется без исполнения. Но не только слова пророков, апостолов Христа Спасителя и исполнение их уверяют нас в несомненности грядущего суда Божия над вселенною при втором пришествии Господа. Есть явления жизни, есть данные общедоступного опыта, которые ясно и наглядно предрекают, что суд Божий над человечеством совершится несомненно. Все люди имеют совесть и более или менее внятно слышат в себе ее голос. Человек оценивает свои мысли, чувства, желания и поступки и, прежде всего, самого себя, свою личность, — с точки зрения добра и зла.

Совесть говорит человеку не о том, хорошо ему или плохо, но о том, каков он сам, как личность, хорош он сам или плох, таков ли он сам со своими мыслями, чувствами, желаниями и поступками, каким он должен быть, или не таков, возвышается он при том или другом переживании, или падает, грешит. Вследствие небрежности, невнимания к своей внутренней жизни, увлечения различными страстями и под влиянием дурных примеров, человек часто не слышит или плохо, невнятно слышит голос своей совести. Но по временам этот голос звучит настолько ясно и отчетливо, сильно и властно, что не слышать, не слушаться его становится невозможно. Известны многочисленные случаи, что совесть за-

ставляла людей порочных и преступных, закосневших в грехах, кореным образом изменить свою жизнь. Разбойники, блудники, блудницы, воры, грабители, обидчики, безжалостные притеснители ближних, богохульники делались целомудренными, воздержными, чистыми, милосердными, щедрыми, горько оплакивали свои грехи, беспощадно боролись со своими страстями и все силы души и тела обращали на ревностное исполнение заповедей Божиих. Такова сила и власть совести над человеком. Весьма ясно проявляется эта властная сила в самом начале сознательной нравственной жизни человека — в детстве, в тех случаях, когда первое пробуждение совести происходит у ребенка по поводу каких-нибудь значительных переживаний — настроений или поступков. Один русский писатель рассказывает, что в детстве он, будучи сиротою, воспитывался у своих дедушки и бабушки, в деревне. Благочестивые старички часто со вздохом говорили: «ох, грехи, грехи!» Мальчика интересовали эти слова и он иногда спрашивал: «что это такое грехи? какие они бывают?» Ему отвечали: «вот подрастешь, узнаешь и не рад будешь». Однажды летом дедушка и бабушка сидели около своей хаты, а мальчик неподалеку играл на травке. Вдруг он увидел, что по травке ковыляет какая-то птичка, видимо, с поврежденной ногой или крылом. Он схватил с земли камень, бросил в птичку и убил ее. Дедушка и бабушка не успели остановить мальчика. Они только крикнули: «что ты делаешь? Грех-то какой!» И вдруг мальчик всем своим существом ощутил, что он согрешил, что он теперь грешник: «вот он грех-то». Его охватил такой ужас от сознания своего падения, что он бросился без оглядки бежать и спрятался в кустах на берегу речки. Долго пришлось искать его, чтобы привести домой и успокоить. Этот мальчик пережил то же, что Адам и Ева в раю после грехопадения, когда они хотели спрятаться от Бога среди райских деревьев. Подобное рассказывает о себе один американский писатель, который в детстве также совершил убийство — убил беззащитную черепаху. Нравственная жизнь, таким образом, начинается пробуждением совести, ее властным и строгим судом. Завершается земная жизнь человека также властным судом совести. Известно много случаев, когда люди по какой-либо причине были очень близки к смерти, но избавились от нее. Например, многие утонувшие, повесившиеся были возвращены к жизни; альпинисты при восхождении на высокие горы падали с большой высоты в пропасти, но упавшие в глубокий снег, остались живы. Некоторые попадали под железнодорожный поезд, но оставались невредимы, потому что поезд, промчавшись над ними, не затронул их... Все такие люди, лицом к лицу видевшие смерть, согласно свидетельствуют, что в последние минуты жизни, перед смертью, человек вспоминает всю свою жизнь очень подробно, не исключая и таких переживаний, о которых он никогда не вспоминал, которые казались навсегда им забыты. И при этом все вспоминается с необыкновенною отчетливостью, как хорошее или дурное, так что человек перед смертью совершает и переживает нравственный суд над всею своею жизнью. Надо думать, что такой суд переживают не только избавившиеся от угрожавшей им смерти, но и все умирающие.

Таким образом, от первого пробуждения нравственного сознания до последних минут жизни, человек находится перед судом своей совести: суд идет за ним по пятам изо дня в день. Человек часто плохо слышит приговор этого суда, очень часто не подчиняется ему, но совесть все-таки неустанно делает свое дело и в конце жизни подводит непререкаемый итог всему, что человек делал, говорил, думал в течении всей своей жизни. Подобный нравственный суд совершает каждый человек и в от-

ношении других людей. Ведь и чужие поступки и чужие жизни мы тоже оцениваем с точки зрения добра и зла. Одно в жизни других людей привлекает нас, радует, умиляет, вызывает в нас добрые чувства и желания, другое отталкивает, возмущает, действует на нас, как развращающий соблазн. И когда мы бросаем общий взгляд на прожитую жизнь того или другого человека, который отошел от нас в иной мир, разве не слышим мы в своей душе тот же голос совести, производящий общий приговор о жизни и характере умершего?

Ту же природу имеет и суд истории. Есть люди и отдельные лица и большие или меньшие группы их, которые более или менее памяты множеству людей. Эти памятные многим люди всегда носят на себе печать нравственной оценки настолько ясную и отчетливую, что о ней не может быть никаких споров и сомнений. Кто не знает завистливого братоубийцу Каина, бесстыдного издевателя Хама, сребролюбивого Иуду предателя, жестокого детоубийцу Ирода..... Кто поколеблется в оценке тех людей, которые всякими способами мучили и истребляли миллионы воинов, стариков, женщин и детей..... Эти палачи никогда не будут забыты человечеством, и клеймо, наложенное на них совестью народов всего мира, никогда не смывается... Суд истории есть суд совести неподкупный и неумолимый.

Но не только совесть судит людей. Судит людей и физический мир с его силами и законами физическими, химическими и физиологическими. Мир так устроен, что грехи, совершаемые людьми, рано или поздно, в той или другой форме, но неизбежно влекут за собой какие-либо страдания, какие-нибудь беды. Беда неотлучно, по пятам идет за грехом, как тень за предметом. Стоит только вникнуть и подумать, что приносят людям два греха — пьянство и блуд. Не перечесать, сколько болезней и всяких других бед и страданий порождают эти грехи в жизни людей, и не только тех, которые прямо виновны в этих грехах, но и их потомков и окружающего их общества. Природа ясно стоит на страже воздержания и целомудрия и сурово судит и карает тех, кто отступает от этих добродетелей и предается порокам.

Поистине человек ни одного дня, ни одного часа своей жизни не остается свободным от суда нравственного: совесть и природа постоянно судят его. Но откуда это согласие суда совести и суда природы? От Бога. Ведь все законы мира — это мысли Божии, по которым устроен мир, это голос Божий, внятно говорящий тому, кто имеет уши, чтобы слышать.

Итак, суд Божий совершается над нами во все время нашей жизни. В этом несомненное и убедительное доказательство того, что и по окончании земной жизни каждого из нас ждет суд Божий, подводящий итог того, как мы прожили свою жизнь; и по окончании жизни всего человечества при кончине мира, должен быть и будет суд над всем человечеством, который подведет итог жизни всех людей. Этот последний суд называют страшным, ибо он навсегда, навеки определит судьбу всех судимых. Но в нашей власти, чтобы последний суд был для нас не страшен, а радостен. Хочешь ли не бояться суда Божия? Делай добро, и получишь похвалу от Бога. (Ср. Рим. 13, 3).

АРХИЕПИСКОП АНДРЕЙ

С т а т ы

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ

Смерть, давно ожидавшаяся, и, как всегда, все-таки неожиданная, — как примириться со страшным и непостижимым мигом перехода в вечность?

Отчего так тянулись к нему человеческие сердца? В его поколении были пастыри более яркого характера, большей воли, большей личности, большего блеска, — почему же именно за ним шел тот «простой человек», который составляет в массы верующих?

Был он широко и щедро обласкан «сильными мира сего», авторитет его в кругах инославных западных «столичных» церквей был исключителен. Но неизменно всю жизнь стремился он к «простому человеку», и чем проще был человек, тем свободнее, душевнее, слаще ему с ним было. Уже в самом внешнем его облике, в этих овальных старинных очках с железной оправой, в простенькой речи, в доброй простодушной улыбке, в стесненных жестах, в откровенности, доходившей до наивности и любопытства детского, в его невзыскательности было что-то глубоко успокаивающее, мирно провинциальное, неуловимо очаровавшее и подкупавшее. А непритязательность, невзыскательность его доводили до удивления, — давний след бедного сельского детства. Вкуса и качества еды не замечал, — хоть совершенно чужд был аскетизма, — «митрополичьи покои» его, в которых прожил он двадцать лет, были скромнее сторожки в ином храме, и любимое облачение его, подчас стеснявшее сослуживших с ним приезжих архиереев, было из грубого сурового холста, вышитого желтым и голубым, рожью и васильками. В облачении этом, напоминавшем о деревенской полевой России, он, согласно его предсмертного желания, и погребен.

Если в невольной столице нашей, Париже, был окружен он благоговейным почитанием, то трудовая провинция бережно и нежно и восторженно его любила, и каждый его приезд в какой-нибудь Альгранж, Монтаржи или затерянный в альпийских ущельях заводской Риуперу был длительным и торжественным и веселым праздником, с общей трапезой после службы, с приглашением из дома в дом, с поднесением немудрых подарков, с непременною концертной или театральной программой и «живыми картинами» в исполнении детей. Детей же он любил так, как не умеют их любить взрослые, — в их обществе он растворялся, становился равным им, — ибо и сам истинно детским, чистым, обладал сердцем. В последние месяцы, когда уже почти никого не принимал он, дети неизменно имели к нему доступ. Той же доверчивой любовью платили и они ему. Помню, в рабочем при-парижском городке в престольный праздник после обедни подошла к нему группа детей. Подросток-девочка, присев, начала свою речь, но, взволнованная до крайности, забыла тщательно выученный текст и дальше «вашего высокопреосвя-

щенства» не могла пойти. Стоявший рядом с нею пятилетний бутуз, увидя широкую ободряющую улыбку владыки, сказал.

— Батюшка, она совсем запуталась. Лучше ты Расскажи нам что-нибудь.

Старая петербургская епархия не насчитывала в Европе и десяти приходов. Он довел их число почти до ста. Эти бедные церковки в пунктах русского рассеяния, построенные трудовыми руками в свободное от заводской работы время, — это его заслуга. Но всегда требовал он, чтобы не только молитвенным домом была церковь, но и центром русской культуры, русской пропаганды, и первую заботу его составляли те же дети, стремление уберечь их от денационализации. Посадив на колени малыша, говорил:

— Вот оба мы русские, а сговориться не можем. Я по-французски кроме «бонжур» да «мерси» ничего не знаю, а ты по-русски ни слова. И с укором говорил смущенным родителям.

— В Турции он по-турецки говорить будет, в Испании по-испански, в Японии по-японски, а в России по-каковски? Вы уж лучше ему и имя перемените.

Был прост и совершенно для всех доступен. В мирной беседе любил вспомнить семинарские времена и бедную свою юность, рассказать о своих молодых встречах с виднейшими впоследствии церковными иерархами его поколения, о митрополите Сергии, о митрополите Антонии Храповицком, о Государственной Думе и своей работе на Холмщине. Благословив трапезу в семье какого-нибудь русского рабочего, не отказывался от рюмки водки, но ей предпочитал рябиновку, которую называл «поповским напитком» и «дроздовкой», — за то, что дрозды клюют рябину и за то, что суровый митрополит Дроздов не переносил спиртного. Любил, по русскому обычаю, подарки, но широко и сам отдаривал, а пасхальные и новогодние посылочки русским туберкулезным любовно составлял сам. Был необыкновенно добр, бескорыстен, широко щедр, внимателен к собеседнику, любил мирить и, особенно, — венчать. При всей занятости сложной и тяжелой и большой административной работой, всегда и неизменно преисполнен был «веселия духовного».

За тяготение к «простым людям» в некоторых кругах именовался, — впрочем, без злорадства, — «мужичким архиереем». Но за внешней простотой своей был исключительно образован, любознателен и либерален. Первый разрешил у себя радио-передачи церковных служб, говорил:

— Когда-то и против электричества боролись. А на самом деле всякая сила, человеку полезная и человека улучшающая, — от Бога.

Прекрасно знал светскую литературу и следил за нею. Неизменно восторгался Пушкиным, в котором открывал все новые и новые сокровища, любил Толстого и, уже в особом плане, — Мельникова-Печерского и, конечно, Лескова. О Лескове говорил:

— Удивительная проникновенность и чистота. А если бы дожил до наших дней, много нового узнал бы о нашей интимной архиерейской жизни.

Как-то, давно, на первых порах моего общения с ним, я увидел на его письменном столе последнюю книгу толстого журнала, раскрытую на впервые печатавшейся «Митиной любви» Бунина. Не удержался:

— Как, владыка, вы читаете эту повесть?

— Не читаю, а уже перечитываю. Критики пишут, что это вещь «соблазнительная», по-нашему — греховная. Неправда. Замечательно написано, глубоко и правдиво о том темном, что бродит в человеке. Легко так вот, со стороны, осуждать, — нет, надо глубоко входить в жизнь, в ее недра, основы, и там исправлять ее.

Не осуждать, не наказывать, а исправлять, — вот основное и руководящее отношение его к человеку. Отсюда и та широта прощения, которая ему была свойственна в исключительной мере и которая многими почиталась за слабость.

Не переносил лести. Если в ней рассыпался кто-нибудь из посторонних, приезжих, — лицо его становилось необычно для него строгим, каменело, он закрывал глаза. Если хвалы возносил «свой», он махал руками и кричал:

— Что вы, что вы, не грешите, не вводите в соблазн. Ведь это же все неправда!

Властолюбию был чужд, но по самой природе своей был властен, властен как бы по долгу, как властен глава семьи, — мягкий и мирный в обычное время и неуступчивый и суровый в минуты опасности. Отрыв свой от Московской Патриархии переносил с крайней болезненностью, но не пойти на него не мог, ибо опять-таки по натуре своей почел бы бесчестным оставить десятки тысяч пасомых, — так как знал и то, что если оставит их, — они ринутся в раскол еще худший. О митрополите (впоследствии патриархе) Сергей, с которым издавна связан был узами личной дружбы, говорил со слезным волнением, расхождение с ним было его душевной трагедией, и, знаю, в одиночестве он много и усердно за него молился. Зато, когда пришли дни испытания, — политически такой же малосведущий и неискушенный, как и окружавшие его, — бесхитростным и честным русским своим сердцем почувствовал он единственно правильный путь и стал на него решительно и смело. Когда в Александро-Невском храме под давлением немецких агентов служились панихиды и молебны, носившие политическую про-титлеровскую окраску, он не только не участвовал в служениях, не только не присутствовал на них, но всегда находил случай оставить пределы церковного двора, и был период, что он сидел под домашним полицейским арестом. По воскресеньям, видя у церкви из окна своей кельи фигуры в шинелях всяких шпейеровских и тодтовских организаций, говорил с сокрушением:

— Зачем, зачем на русских плечах немецкие погоны? Зачем они здесь? Шли бы уж лучше в немецкую кирку.

В тяжкие месяцы Сталинграда он физически, на глазах, слабел, худел, впадал в апатию. Говорил:

— Неужели «они» победят? Нет, не верю. Господи, Господи, пошли сил нашему страдающему народу!..

Вспоминаю мои длительные и тайные беседы с ним во время оккупации. Политически в значительной степени живший еще в плену старых представлений, он иногда с сомнением относился к тому, что говорил я ему о жизни в Советском Союзе, — да и что, в самом деле, мог я привести ему в доказательство моей правоты? Но вот однажды к нему пришел русский юноша, сын близкой к митрополиту семьи и которого он знал ребенком, — пришел, и сказал, что никому и ничему не верит, что хочет идти переводчиком на фронт и там самому убедиться, где правда, где ложь. Через полгода он приехал в отпуск и ночью пришел к владыке. Изможденный, с горящими глазами, задыхаясь от злобы, он рассказывал о том, что видел сам, — о непереносимых ужасах, творившихся оккупантами на потоптанной и поруганной русской земле. Владыка слушал, низко опустив голову, по дряблым щекам его лились слезы. Он встал, перекрестился, благословил пришедшего, сказал:

— Идите на подвиг. И знайте, что никогда они не одолеют Россию. И никогда и нигде не будет им прощения!

При отступлении немцев юноша был застрелен за связь с партизанами.

А когда стали доходить вести, что церковь — с народом, что духовенство — в рядах воинов, что повсеместно служатся молебны о даровании победы, что идут кружечные сборы и подписка на помощь армии, что, как и встарь, весь народ гневно встал на защиту Родины, — он радовался открыто, ни перед кем радости своей не скрывая и тем рискуя собой в сложной и темной обстановке тех дней. Он стал крепче, бодрее, помолодел.

Когда же пришло освобождение, но бои еще шли за Парижем, он, — далеко опередивший своих духовных детей и чувствами своими и пониманием обстановки, — в первые же дни после торжественного молебна произнес горячее слово перед растерянными, страшившимися будущего, соотечественниками и поздравил их с победой, — «со скорой и несомненной нашей, русской победой над исконным врагом». В эти же дни первой его заботой было, — установить связь с Местоблюстителем Патриаршего Престола, чтобы затем окончательно воссоединить многочисленную свою паству с Матерью—Русской Церковью. С готовностью, которая в те времена страха перед советской властью граничила с мужеством, встретился он с представителями Советского Посольства, чтобы через них передать первое послание к митрополиту Алексию, и в дальнейшем встречи эти стали уже обычными. Помню, был он в Посольстве на просмотре только что полученного из Москвы фильма «Погребение Патриарха Сергия». С волнением вглядывался он в дорогие для него черты Святителя, узнавал в сонме иерархов давних друзей, вставал, крестился, был, можно сказать, потрясен, и в одном месте фильма с детским простодушием воскликнул:

— Смотрите, у него (Патриарха) походка еще слабее моей. Значит, я еще поживу.

В те дни понятие «пожить» носило для него особый и глубокий смысл. Сидя после сеанса в посольском кабинете, он подробно и с любопытством расспрашивал присутствовавшего здесь члена Грузинского правительства, только что прилетевшего из Москвы, — не страшно ли лететь, не холодно ли, не очечь ли качает. Пояснял:

— Дожить, дотянуть. Встречусь, завершу самое большое дело моей жизни, со всей паствой стану на колени перед Святейшим Престолом, примирю братьев родных, русских, православных, а там, — «Ныне отпускаеши», — на покой, куда-нибудь в монастырь, тихо домаливать свои дни, потом сложить усталые кости... А очень хочется полетать на самолете, на этом самом сказочном ковче-самолете.

Приезд в Париж владыки Николая Крутицкого поверг его в столь сильное, глубокое и счастливое, волнение, что врачи опасались за его сердце. Мы все помним эти воистину пасхально-светлые, озаренные непрестанной радостью, вознесенные над жизнью и незабываемые дни. Как часто потом владыка Евлогий с тоской по нем и любовью вспоминал митрополита Николая, с каким волнением восклицал: «Какая душа, какой свет, какой удивительный человек, какой боговдохновенный пастырь! И как счастлив я этой встречей и тем делом, которое мы завершили совместно!»

Воссоединение зарубежной церкви с Московской Патриархией проходило не без препятствий. Часть духовенства сопротивлялась примирению, и нужны были вся воля и весь авторитет почившего, чтобы дело совершилось. Политиканствующие священники ставили условия, жонглировали словом «политика». Владыка говорил:

— Не понимаю я их. Политика, — это когда обманывают, хитрят,

лицемерят, лгут. А это какая же политика, это — действие. Вот они же бывают тут в церкви, советские люди. Они все говорят, — «да, наша власть настоящая, хорошая, народная власть». Кого же, как не их, живых людей, нам спрашивать? Значит, — будем заботиться о благе церкви, а от того, что нужно и дорого Родине, отворачиваться? Так ведь вот это-то и будет политика, т. е. хитрость и ложь. А понастоящему, если я православный и русский человек, дороги мне и Церковь, и Отечество.

Это противопоставление слов «политика» и «действие» очень характерно для его цельной, честной и органически здоровой натуры. И в этом смысле весьма показателен такой случай.

В пасхальные дни, т. е. всего за три с небольшим месяца до кончины, владыка Евлогий написал свое послание к пастве. Никто не «давил» на него, никто не просил об этом послании, и было оно для всех неожиданным. Он вызвал меня для опубликования его в печати. Уже слабел, плохо слышал, говорил прерывисто. С волнением извлек из-под груды бумаг на письменном столе мелко и неразборчиво исписанный листок бумаги и, как бы таясь, сказал:

— Вот, возьмите. Только «им» не показывайте.

«Они» — это были некоторые лица из его ближайшего окружения, не только не согласные с его действиями и прямолинейностью, но и зачастую просто саботировавшие его работу.

— Нет, подождите, дайте я вам прочту, а то не разберете.

Он начал читать. В послании говорилось не только о церкви, — в нем билась радость за Россию, за ее победу, успехи, невиданный расцвет. Когда он дошел до конца, до стихотворных строк: «Кто собьет златую шапку у Ивана-Звонаря?» — голос его перешел на фальцет, он тяжело поднялся, обнял меня и заплакал.

— Кто, кто?.. Кто посмеет поднять руку на нашу великую, прекрасную, светлую Родину!

Этот листок, покрытый мелкими расплывающимися строками, этот последний, написанный им документ, я переслал владыке Николаю.

Бедному «мужицкому архиерею» нашему не суждено было «дотянуть до монастырька». Но и на чужой земле умирал он с легкой совестью, отходил безболезненно, — умиротворенный, просветленный, до последней минуты сознания радующийся России.

А не задолго до кончины возглавил он небольшую группу бывших эмигрантов, — первых, получивших советские паспорта, — светлый пастырь, человек чистого и честного сердца и великий русский патриот.

Р. ДНЕПРОВ

Август 1946 г.
Париж.

ПОСЛЕ КОНЧИНЫ МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ

2 сентября 1945 г. в Париже Митрополит Евлогий с его паствой был торжественно воссоединен с Матерью—Русской Церковью.

После этого события «зарубежная Русская Церковь, управляемая Митрополитом Евлогием и состоящая во временном высшем каноническом ведении Вселенской Патриархии, вновь вошла в непосредственное управление Патриарха Московского и всея Руси, составляя нераздельную часть единой Русской Православной Церкви» (Положение о Западно-Европейском Экзархате п. 1).

Свое отношение к этому акту Митрополит Евлогий определил вполне ясно: «...фактически я с момента воссоединения нахожусь в подчинении Московского Патриарха, от него получаю необходимые указания и распоряжения, перед ним отвечаю за положение нашей Церкви в качестве его, Патриарха Московского, Экзарха, и уже ничто связь нашу порвать не может».

...«Процент людей, сопротивляющихся воссоединению, ничтожен, и основная масса верующих, хвала Господу, пошла по верной дороге, пошла за мной и ныне объединена одними чаяниями и одной радостью, что, наконец, Церковь наша обрела мир. Я же на путь воссоединения с Матерью Русской Церковью стал решительно твердо и непреклонно; я дождался самого счастливого события в моей жизни, возвращения в лоно ее, и с этой дороги не сойду уже до самой моей смерти». Это было сказано Митрополитом Евлогием 21 декабря 1945 г.

В Рождественском послании 4 января 1946 года Митрополит Евлогий писал так: «Все мы объединяемся с Матерью Русской Церковью, все вливаемся в ее спасительное лоно. С особым радостным волнением переживает эту радость Русская Православная Церковь, которая празднует одновременно объединение своих разрозненных частей в единую семью».

Эти выдержки из посланий и заявлений Митрополита Евлогия ясно выражают его взгляд на дело воссоединения с Матерью Русской Церковью. Казалось бы, что эти ясные, твердые, непреклонные решения Митрополита Евлогия должны явиться обязательными моральными заветами для всей его паствы, в особенности для его ближайших сотрудников, которые в своих речах над его гробом много говорили о любви и уважении к нему.

Однако, не прошло и девяти дней со дня смерти Митрополита Евлогия, как его ближайшие друзья стали разрывать церковное единство, которое так ценил Митрополит Евлогий. Поводом к нарушению единства и церковного мира явился Указ Московского Патриарха и Священного Синода Русской Православной Церкви от 9 августа 1946 г.: «Святейший Патриарх и Священный Синод постановили: 1) «Временную

юрисдикцию Вселенской Патриархии над Западно-Европейскими русскими приходами, установленную в 1931 г., считать фактически и формально прекратившей свое действие, а означенные приходы вновь безраздельно находящимися в юрисдикции Московской Патриархии и 2) Экзархом Западно-Европейских русских приходов назначить Митрополита Серафима (Лукиянова)».

Архиепископ Ницкий Владимир, принявший на себя управление Экзархатом после смерти Митрополита Евлогия, якобы на основании завещания Митрополита Евлогия от 1943 г. отказался выполнить этот Указ, ссылаясь на отсутствие «отпускной грамоты» от Вселенского Патриарха, и заявил, что этот Указ Московского Патриарха принимается им «к сведению, но не к исполнению».

К его решению примкнули: епархиальный совет, епископ Сергиевский Никон, причт кафедральной церкви в Париже, некоторые священники.

Желая приобрести возможно большее число сторонников, архиепископ Владимир разослал циркулярное распоряжение духовенству Экзархата: «Впредь, до получения от Вселенского Престола определенного по данному вопросу решения, возносить во всех храмах имена обоих Патриархов и его, Архиепископа Владимира, имя, как Управляющего Экзархатом и Заместителя Экзарха Патриарха Вселенского».

Сообщение об этих поступках близких друзей Митрополита Евлогия заставляет вспомнить прежде всего слова Митрополита Евлогия в Рождественском Послании 1945 г., как бы обращенные к ним: «Враг среди пшеницы сеет плевелы. Создаются новые обособления. Чего хотят новые раскольники? Неужели они не устали? Неужели они не чувствуют, что теперь не время, не место для этих разделений, когда Русская Православная Церковь, вместе со своей Родиной, выходит на широкие вселенские просторы, когда постепенно объединяются отдельные части Русской Православной Церкви в одно спасительное лоно? Зачем эти новые смуты, которые помрачат светлый лик церковный?»

Официальный отчет об экстренном пастырском собрании, созванном Архиепископом Владимиром 14 августа в Париже, и сообщения отдельных участников собрания проливают свет на то, чего хотят новые раскольники. Оказывается, они исполнены самых лучших намерений: они хотят выполнить волю Митрополита Евлогия, выраженную в его завещании о передаче управления Экзархатом после его смерти архиепископу Владимиру, но они не упоминают, что это завещание, если оно существует, относится, как они сами говорят, к 1943 г., т. е. ко времени до воссоединения Митрополита Евлогия с Русской Церковью. После воссоединения Митрополита Евлогия завещание не имеет никакой канонической силы и вообще оно не имеет никакого юридического значения.

Некоторые говорили о необходимости сохранения подчинения Константинопольскому Патриарху, но не упоминали, что уже со 2 сентября 1945 г. Церкви Западно-Европейского Экзархата вышли из Константинопольского Патриархата и вошли в состав Московской Патриархии. Со 2 сентября 1945 г. Митрополит Евлогий стал находиться в фактическом и юридическом подчинении Матери-Церкви, выполняя указы, распоряжения Московского Патриарха, вплоть до производства хиротонии во епископа.

Епископ Никон Сергиевский был поставлен во епископа по указу Московского Патриарха на основании самой лучшей характеристики о нем Митрополита Евлогия.

Говорилось о невозможности односторонним решением Московского Патриарха прекратить Константинопольскую юрисдикцию без отпускной грамоты Константинопольского Патриарха, но забывали, что вступление в Константинопольскую юрисдикцию носило временный характер. Митрополит Евлогий в своем послании от 2 февраля 1931 г., вступая под юрисдикцию Константинопольского Патриарха, писал, что «когда восстановится общепризнанная церковная власть и нормальные условия жизни Русской Православной Церкви, мы вновь вернемся к прежнему положению». Забыли также упомянуть, что Русская Православная Церковь, в лице почивших Патриархов Тихона и Сергия, никогда не признавала законным подчинение Русских Церквей Западного Экзархата Константинопольскому Патриарху и протестовала против этого решения. Кроме того, Митрополит Евлогий, рассуждая канонически, не имел права передавать Константинопольскому Патриарху русские приходы за границей без согласия Матери-Церкви, а Константинопольский Патриарх принимать их. 28 правило Халкидонского собора, на которое обычно ссылаются сторонники прав Константинопольского Патриарха в Европе, говорит о его правах над епископиями из иноплемennых: в понтийской, фракийской областях.

Нет канонов, по которым все православные, находящиеся на территории Западной Европы, подпадают под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Наоборот: 6 правило Никейского собора, 8 — Ефесского, 9 — Антиохийского, 67 — Карфагенского запрещают вторгаться одной церковной власти на территорию другой.

Существование более 30 лет русских православных церквей в Европе неоспоримо сохраняет для них юрисдикцию русской высшей церковной власти.

Устное благословение Митрополиту Евлогию через Митрополита Германоса на возвращение в лоно Матери-Церкви Константинопольским Патриархом было дано, как об этом свидетельствует телеграмма Святейшего Патриарха Алексия. Патриарху Вениамину от 4 ноября 1945 г.

К сожалению, Патриарх Вениамин и его преемник Патриарх Максим до сих пор не прислали «отпускной грамоты». Присылка отпускной грамоты сразу бы разрешила вопрос, но отсюда не следует, что русские приходы должны вследствие этого нарушить каноническое подчинение Московскому Патриарху, своему родному русскому православному Патриарху.

В конце концов, мы прямо говорим, что для прекращения Константинопольской юрисдикции в Западно-Европейском Экзархате над русскими приходами не требуется согласия Константинопольского Патриарха, как не требуется в юридических делах согласия стороны, незаконно владеющей чьим-либо имуществом, на возвращение его законному владельцу.

Константинопольская юрисдикция над русскими православными Церквями в Западно-Европейском Экзархате возникла незаконно, существовала незаконно, и Московская Патриархия может ограничиться лишь известительной грамотой о том, что она вступает в свои права.

Все русские православные люди с глубокой скорбью узнали об ослушании части клира Западно-Европейского Экзархата Московскому и всея Руси Патриарху Алексию.

Тяжело, что архипастыри и пастыри, которые по своему положению, должны сиять среди инославных на Западе и светом православной истины и непоколебимой верностью главе всех русских православных людей,

Святейшему Патриарху Алексию, не колеблясь, но сами поддерживая и утверждая колеблющихся и шатающихся, — первыми нарушили послушание Святейшему Патриарху Алексию.

Мы знаем, что это, конечно, враг посеял плевелы среди пшеницы. Враг вложил мысль об ослушании Патриарху для ослабления св. Православной Церкви.

Мы твердо надеемся и верим, что в конце концов церковная истина победит, что все ослушники раскаются, не будут губить свое стадо, но охранят его «от волков, губящих е» и поведут его ко спасению во Христе в спасительной ограде Русской Православной Церкви — родной Матери Церкви.

Л. ПАРИЙСКИЙ

КРЕСТ

(К празднику Воздвижения Креста Господня)

Обретение и воздвижение Креста Господня является радостным событием для принявших христианскую веру.

Исповедуя распятого на кресте Иисуса Христа, мы чтим и поклоняемся кресту, как великой святыне, дорогой нашему сердцу, на которую мы взираем с верою и упованием в различные моменты наших переживаний.

При крещении святой крест дается нам как символ исповедуемой нами веры, благословения Божия, преподанного через церковь, благодатной силы укрепляющей нас в борьбе с пороками на земном пути, и креста, который мы должны понести в своей жизни, если желаем следовать за Христом.

Крест возвышается на каждом Божьем храме и влечет наши взоры «горё», согревает сердце чувством небесного тепла и благодати, вселяет в душу глубокую отраду.

Крестное знамение, которым осеняла нас с любовью наша мать, в том раннем возрасте, когда мы сами не умели этого делать, которым, научившись креститься самостоятельно, осеняли себя с детскою непосредственной верой, и в зрелые годы необходимо сопутствует нашей молитве, совершаясь с сознанием его спасительной силы.

Мы налагаем на себя крестное знамение, подходя приложиться к святым иконам, евангелию, кресту, знаменуя тем самым, что святой крест очищает нас и дает возможность приблизиться к святыне, к которой мы недостойны прикасаться. Крест постоянно служит связующим звеном, ступенью между земным и небесным, между святынею и нашей затемненной грехами душой.

Чтобы поднять нас от бездны греховной, возвратить нас к свету и добру, Христос добровольно взял на себя и понес самый тяжелый крест. Святейшая кровь, пролитая на кресте, омыла все преступления человеческие, возродила человека для жизни чистой и светлой, призывая к отрешению от тьмы и падения.

Воздвигнутый на Голгофе крест, на котором умер Христос, осенил собою весь мир. Он привлек своею святостию бесчисленное множество сердец, жаждущих пойти во след за Христом, разделить Его страдания.

От креста излилась в грешный мир Христова очистительная благодать, о которой до того не знал мир, возрождающая человека от нравственной смерти, побеждающая нечистоту, порок и растление, приводящая к величайшему духовному торжеству, приближающая к всеблаговому, всепрощающему, всеврачующему Богу.

Богочеловек, пришедший в мир, чтобы спасти нас, вернуть к тому

блаженному состоянию, которого мы лишились через грех, Христос как бы говорит нам: жизнь есть подвиг и долг, но долг высокий и прекрасный, дающий человеку непреходящее счастье, возрождающий душевные силы, наполняющий душу светом неба.

Символ подвига, отречения от самого себя, любви до самопожертвования, крест есть знамение всеозаряющей веры, упования и радости, победы духа над плотью, красоты духовного совершенствования.

Потому-то во времена гонения на христианскую веру христиане-мученики среди страшных пыток и перед лицом самой смерти оставались радостными и молились за своих гонителей. Духовное счастье этих людей было так велико, что затмевало все другие чувства.

Дальше мы видим множество добровольных подвижников, все оставивших, отказавшихся от земных радостей — от богатства, славы, почестей, удаляющихся в пустыню, в монастырь, посвящающих все свои силы молитве, суровому посту и служению Богу. Подвижники, не имевшие никаких радостей земных, были исполнены духовного блаженства, так что люди, увязшие в суете и пороке приходили к ним, и богатства духовных сокровищ святых людей щедро изливались на немощных и слабых, врачую их душевные и телесные недуги.

В повседневной жизни мы также можем наблюдать такое явление, когда люди, которых постигло несчастье и испытание, остаются бодрыми и жизнерадостными, имея в самих себе какую-то опору. Преданные воле Божией, носят они в своем сердце упование на помощь небесную, согревающее их в самых скорбях, и дающее силы нести крест. И, наоборот, люди, у которых все благополучно, вдруг впадают в уныние, переживают разочарование, предаются тоске и отчаянию, и, впадая все в большее заблуждение, видят в жизни только мрачное и печальное, бессмыслие и неоправданность страданий. Но все, что совершается в мире, совершается по воле Божией, и часто именно страдания приводят человека к Богу.

Мы склонны к заблуждениям, ошибкам, маловерию, допуская все это в наше сердце и разум по своей греховности, и тогда в душе появляется боль и диссонанс. Часто моральные страдания тяжелее преодолеть, чем физические. Тогда мы как бы теряем под собой почву, кажется, нет выхода и сил уйти от сердечного холода и духовного мрака и нет сил оставаться во тьме, и томит почти до физической боли осязаемая потребность света, тепла.

Тогда и душевные наши потрясения, как predeterminedный свыше крест, стараемся переносить терпеливо и стойко, чтобы не они сломили нас, а мы преодолели их. И Бог подаст нам помощь и простит множество наших падений.

Наши падения бывают ужасными, когда мы сами себе становимся в тягость, но часто падение до самого темного дна и столкновение со злом во всем его безобразии отвращают человека и заставляют его в ужасе бежать обратно, искать света.

Нет возможности перечислить наши духовные переживания, все то бесконечное множество чувств и ощущений, что проходят через наше сердце: то возносящая крылатая радость, светлые волнения, надежда, то леденящая душу пустота и томление, какое-то отмирание духовной жизни.

В нашем духовном внутреннем мире, как в Божьем мире природы: ночь и день, холод и зной, буря и покой, громы и тишина, засуха и благодатный дождь, безжизненный песок пустыни и плодоносная почва, блеск солнца и печальный туман, темные страшные бездны и высокие

горы уходящие за облака. А надо всем этим лучезарное манящее солнце...

Пусть порой надвигаются черные тучи, скрывая прозрачную лазурь и золотое солнце, ведь от этого не исчезнет ни солнце, ни небо, ни просторы его, ни безбрежность.

В этих чувствах, волнениях, исканиях — красота жизни, в этой непрестанной борьбе — ее смысл и движение. Без борьбы человек не двигался бы вперед, и без трудностей в чем была бы его заслуга?

Чем тяжелее препятствия, чем больше требуется усилий к достижению истины, тем больше заслуга, тем выше награда...

Мы можем видеть, что в борьбе и испытаниях люди растут и крепнут духом. И может быть, неведомыми и непонятными для нас путями мы двигаемся к правде непогрешимой, совершенной и вечной. Как бы ни был тяжел и длинен путь, он облегчается сознанием достигаемой цели.

Быть может, нам нужны какие-то толчки, какой-то стимул, чтобы всколыхнуть и разбудить забытые способности нашего духа, и часто этим стимулом становятся испытания и скорбь.

Временами крест возлагается на целые народы. Тогда появляется много людей самоотверженных, благородных, отважных, забывающих обо всем частном и личном в своем стремлении послужить святому и правому делу, отдающих даже и самую жизнь во имя того, чтобы облегчить, защитить или хотя бы уменьшить страдания других, более слабых и беззащитных...

В недавно пережитые нами годы войны, из среды дотоле незаметных тружеников, сколько было выявлено таких людей — героев, полных отваги, благородства и готовности жертвовать собою, и это делалось добровольно с духовным патриотическим подъемом. И как восхищают нас эти люди, с какою любовью мы будем всегда помнить о них, и не только мы, но и грядущие поколения с благоговением будут преклоняться перед их именами.

Доблестное и благородное не может умереть бесследно, не может не оставить по себе неизгладимого впечатления, порождающего в других чувства долга и любви.

В те тяжелые дни заметно было усилившееся внимание, сплоченность, чуткость и сострадание друг к другу, желание помочь чем-нибудь, и это придавало мужества и сил переносить горе.

Страдания уменьшают наш эгоизм, они открывают наши сердца, навстречу одно другому, чтобы разделить горе и вместе переносить его; в испытаниях выявляется наша вера, которая и самую печаль может обратить в радость, как сказал Христос: «печаль ваша в радость будет».

Те, кто потеряли в годы войны всех своих близких и остались совершенно одинокими, да почерпнут силы у святого креста, найдут утешение в выполнении долга перед Богом и людьми, перед Родиной, ибо в служении по своим силам святой истине и добродетели — смысл и истинное счастье человеческой жизни.

Те, кто лишены всякой трудоспособности, самого великого Божьего дара, могут в молитве почерпнуть силы, и в молитве и в мышлениях есть также целый отдельный мир, могущий заполнить пустоту и уменьшить печаль.

Бывают у нас такие светлые минуты, когда пережитое слишком превышает наши способности, чтобы передать его, и не все наши чувства поддаются описанию, не все находят выход и возможность быть выявленными, выйти на поверхность, как-то проявиться внешне. Быть может, потому, что они слишком святы и чисты, чтобы стать очевидными

и осязаемыми, а живут они в нас для того, чтобы напомнить о скрытом горнем мире, о непередаваемых радостях, для выражения которых там в другом мире будут и другие слова, которые не достоин произносить здесь наш грешный язык. Вспоминая эти святые минуты, в дни печали не будем поддаваться унынию, с любовью, благоговением и умилением будем повторять: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко! и святое воскресение Твое славим!

Крест не только испытание и печаль, крест — путь к небу, возрождение всего святого и лучшего, крест — приближение ко Христу, восстание от нравственных падений, искупление наших душ, возвращение от холода, уныния, сердечной боли, ошибок и сомнений к молитве, умилению и благодатным слезам.

Крест — освобождение от рабства страстей, победа радости и света.

Беспредельная Божия любовь, в которой потонут, исчезнут все наши горести, печали, страдания, просветятся души и воскреснет все юное, чистое и сильное для жизни беспечальной и бесконечной, и вера, святая, выстраданная, прошедшая через горнило испытаний, побеждающая, идут к нам через святой благословенный крест.

Н. ВАСИЛЬЕВА

К ТРЕХЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»

В сентябре месяце 1943 г. вышел первый номер «Журнала Московской Патриархии».

Какое это было радостное событие! С каким восторгом каждый из нас брал в руки этот официальный орган Русской Православной Церкви! Как хотелось, чтобы издание журнала продолжалось долго, долго!...

Желание наше исполнилось. В нынешнем году мы празднуем трехлетие непрерывного ежемесячного выхода «Ж. М. П.» в свет на благо, утешение и просвещение его многочисленных читателей.

Редакцией «Ж. М. П.» сразу же был взят верный курс — это любовь к Родине, ее Правительству и строгая церковность — борьба за чистоту и нерушимость догматико-канонического учения Церкви.

Журнал вышел в тяжелое время. Война была в полном разгаре. Хотя победа нашей доблестной Красной Армии и армий союзников определилась, но потребовалось еще 1 год и 8 месяцев, чтобы заставить фашистов безоговорочно капитулировать. Все силы, все средства, все мысли и чувства были там — на полях битв, где так великолепно сражались наши чудо-богатыри...

Наши первоиерархи: Святейший Патриарх Сергей, Митрополиты Алексей, Николай и др., неоднократно через «Ж. М. П.» обращались к верующим с призывом всем жертвовать на алтарь защиты Отечества. Их призывы, как мы знаем из помещенных докладов и отчетов, не остались «гласом вопиющего в пустыне», а дали «плод мног»...

Беседы руководящих церковных деятелей с Главой Советского Правительства Генералиссимусом И. В. Сталиным, возобновление Патриаршества, избрание Патриархов Сергея и ныне здравствующего Алексея, интронизация их, приветственные телеграммы им — все это с необходимой полнотой освещалось «Ж. М. П.». С каким радостным волнением, с какой благодарностью Богу читались прекрасные описания всех этих исторических событий в жизни нашей Церкви!

Открытие Богословского Института и Пастырских курсов (Москва, Ленинград, Одесса), акты о возвращении в лоно Матери-Церкви отколовшихся от нее — как это заставляло биться сердце всех читателей журнала!

Печальной торжественностью, преданностью воле Божией, преклонением пред Патриархом Сергием отмечен № 6 «Ж. М. П.» за 1944-й год, посвященный неожиданной кончине Патриарха Сергея.

Импозантность, великолепное торжество веры, радость надежды на будущее, всеобщая любовь к вновь избранному Патриарху Алексию звучит на каждой странице журнала, посвященного Поместному Собору Русской Церкви 1945 г. с участием трех Патриархов и представителей почти от всех братских церквей.

Бодрящим духом веет от всех отчетов, помещенных в разных номерах «Ж. М. П.», о многочисленных поездках наших церковных делегаций почти во все страны света. Особенно отрадное впечатление производят отчеты о поездках в Палестину, в Англию, во Францию. Поездка в Палестину — первая поездка в страну Востока Российского Патриарха имеет громадное значение.

А посещение нашей Патриархии разными делегациями зарубежных церквей?! Прекрасный материал для будущих историков, разительные факты подлинно церковного единения...

На все, на все откликнулся «Ж. М. П.». Награждение медалями «За оборону» Ленинграда и Москвы, фашистские зверства над нашими людьми, разрушения церковных и культурно-исторических ценностей; профашистская пропаганда «всепрошенцев» Ватикана; волнующие дни Победы над агрессорами, нюрнбергский процесс и местная церковная жизнь — все это красочно отражалось журналом.

Перейдем к авторам. Послания Святейших Патриархов Сергия и Алексия, их статьи надо поставить «во главу угла». Роль Церкви в защите Родины, жизнь самой Церкви, ее настоящее и будущее просто и величаво даны в их руководящих трудах.

Отчеты Митрополита Николая о фашистских зверствах заставляют содрогаться наши сердца, а его замечательные и по форме и по душевному, умирительному содержанию «слова» являются украшением Ж. М. П.

Полны любви к Истине и отвращения ко злу горячие статьи маститого Тамбовского Архипастыря Высокопреосвященного Луки, доктора медицинских наук.

Послания Митрополита Иоанна, статьи Митрополита Григория, речи епископа Сергия (Кировоградского), архиепископов: Филиппа и Димитрия — злободневны и продуманы.

Прекрасны «Впечатления о России» Митрополита Вениамина и содержательна его статья «О Римско-католической церкви».

Как всегда образны и вдохновенны речи и статьи ответственного секретаря редакции протоиерея А. П. Смирнова.

Свящ. М. Зернов дал хороший отчет о путешествии в Палестину с поэтическими экскурсами.

Живо, образно и литературно по форме даны А. Шаповаловой портреты выдающихся иерархов нашей Церкви. Волнующи ее переживания при посещении торжественных богослужений. Н. Васильева порадовала читателей журнала своими талантливыми очерками.

Блещет академическими знаниями Н. Волнянский, давший ряд ценных и содержательных исторических портретов.

Статьи Т. М. Богословского о Московских святынях и Георгия Александрова о Московских храмах — написаны знатоками.

Искусствоведы Алфеев С. М. и Сергеев Н. интересуют многих любителей церковной изобразительности.

Имена таких авторов, как проф. Савинский, проф. Т. Попов, проф. Георгиевский — достаточно известны и говорят сами за себя.

Из остальных авторов, печатавшихся в «Ж. М. П.», каждый дал в меру своих сил.

Отмечу, что поэтические произведения, напечатанные в Журнале, большей частью, не отличаются ни глубиной содержания, ни литературностью архитектоники стиха. Впрочем, это и без нас учтено Редакцией («Вниманию авторов», № 2, 1946 г.).

Пожелаем же, от всей души пожелаем нашему молодому, но содержательному «Ж. М. П.» многих лет плодотворнейшего служения Церкви и Родине. Поблагодарим Правительство за его внимательное отношение к нуждам церковным; редакцию — за ее трудную, ответственную и благодарную работу на ниве духовного просвещения; сотрудников — за то, что они питают нас пищей духовной!...

А главное, возблагодарим Господа, столь дивно благодеющего нам!

ПРОТОИЕРЕИ Н. А. ХАРЬЮЗОВ

ПОЕЗДКА В ВЕНГРИЮ

После освобождения Венгрии от немецкой оккупации из Будапешта от православных священников стали поступать ходатайства на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия о принятии их под юрисдикцию Русской Православной Церкви. К этому побуждало их то обстоятельство, что за время войны православные приходы в Венгрии очутились в затруднительном положении через наличие нескольких церковных юрисдикций и через отсутствие единого объединяющего церковного центра.

Получив такое ходатайство, Святейший Патриарх решил ознакомиться с положением дела на месте. Для этой цели им были посланы в Будапешт Преосвященный Нестор, епископ Ужгородский и Мукачевский и протоиерей г. Москвы Александр Смирнов.

8 августа с. г. патриаршая делегация, получив все необходимые инструкции и напутственное благословение от Святейшего Патриарха, вылетела в г. Будапешт для выполнения своей миссии.

Воздушный путь от Москвы до Будапешта пролегал над Карпатскими горами. Во время пути сквозь «окна» в облаках мы любовались горным пейзажем, красота которого неописуема и величественна. Мой взор поражали мощные леса, покрывающие Карпаты, горные реки и живописно разбросанные селения с красными черепичными крышами на домах.

В 3 часа дня, по приземлении, мы вышли из кабины самолета на советском аэродроме в Будапеште. Здесь нас встретил представитель Советского посольства Б. П. Осокин. После взаимных приветствий мы тронулись в путь в посольской машине. Дорога шла по красивым улицам Будапешта — этой древней столицы Венгрии. Нас поразила характерная особенность улиц: они все густо засажены прекрасными каштановыми деревьями. На автомобиле мы быстро доехали до гостиницы «Британия», где нам пришлось пробыть 15 дней.

На другой день, 9 августа, мы приступили к своим делам. Прежде всего мы поехали в Союзную Контрольную Комиссию с визитом к возглавляющему ее генералу Свиридову. Затем мы проехали по улицам Будапешта. Город произвел на нас сильное впечатление. Река Дунай разделяет его на две части. По берегам реки тянутся изумительные по красоте набережные. В городе наредкость много благоустроенных садов и парков. Зритель может ходить по всем этим местам целыми часами и все время будет любоваться новыми и новыми видами этого города, где прекрасные здания чередуются с такими же прекрасными площадями. Учитывая эту красоту Будапешта, все путеводители указывают на то, что «путешественник много теряет, если минует столицу венгров, имея возможность побывать в ней».

Город, подобный Будапешту, может служить украшением любой страны, и венгры, действительно, вправе гордиться созданной ими высококультурной и красивой столицей. Если подняться на горную сторону города, то можно наблюдать, поистине, волшебную картину: на правом берегу Дуная, высоко на горе лежит старая крепость, она как бы царит над городом; от ветхих и древних стен ее весь Пешт виден как на ладони. Вдали, сквозь голубую дымку, виднеются нивы и зеленые холмы. По дороге, идущей в горную высь как бы постепенно выходящей лентой среди роскошных и художественно оформленных и в архитектурном отношении вилл с дивными садами юга, мы поднялись на автомобиле на самую высокую часть города на правом берегу Дуная. Здесь находится знаменитая башня «Джербет», в честь королевы Елизаветы. Отсюда мы, как очарованные, любовались панорамой всего города, раскинувшейся перед нашими глазами, созерцали голубой Дунай с его набережными, здание Парламента, католический кафедральный собор — Базилику и т. д. За все время нашего пребывания в Будапеште мы несколько раз приезжали сюда любоваться этой панорамой и не только днем, но и ночью, когда все это залито морем огней и поэтому зрелище кажется еще эффектней...

Сильное впечатление произвел на нас холм, на котором расположен королевский дворец и смежная с дворцом церковь во имя св. Матфея, где короновались венгерские короли.

Но огненное дыхание войны коснулось и этого прекрасного города, в результате чего королевский дворец разрушен, взорваны мосты и многое другое. До 20 августа из большого числа прежних мостов действовал только один мост, а 20 августа, в день национального праздника Венгрии, был торжественно открыт еще один мост, восстановленный инженерными войсками Красной Армии, по которому возобновилось трамвайное движение между обеими сторонами города.

В церкви св. Матфея теперь находится музей древности. Мы обратились к хранителю музея-храма с просьбой позволить нам осмотреть его. Хранитель не только согласился показать нам храм, но сам был лично руководителем нашим при его осмотре. В числе редкостей этого музея-храма нам были показаны драгоценные коронационные одежды венгерских королей и королев, их короны и пр.

В 8 часов вечера, когда мы были около этого храма, с его колокольни мы слышали мелодичный звон колоколов, так называемый «Ангелюс». Этот звон призывает верующих католиков к краткой молитве Богородице (каждый правоверный католик должен в это время три раза прочесть про себя молитву к Божией Матери: «Богородице, Дево, радуйся...»). В ответ на звон этого храма подобным звоном откликались и другие храмы Будапешта.

В первые же дни после своего приезда в Будапешт мы встретились и провели деловые переговоры с представителями Венгерской Православной Церкви. 13 августа администратор православных приходов в Венгрии протоиерей о. Иоанн Олах вместе со своим секретарем протоиереем г. Будапешта о. Вариу, от имени ряда венгерских православных приходов, составили и подписали обращение на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси о принятии их в свою юрисдикцию и о поставлении им православного епископа из венгров. Однако, в последующих совещаниях с делегацией Русской Православной Церкви было договорено, что временно, в виду отсутствия подходящего венгерского кандидата на место епископа, венгерское духовенство согласно принять русского православного епископа и при нем викарного епископа из венгров. После вручения нам вышеупомянутого обращения мы, как

В Будапештской Православной Церкви пред началом
Божественной Литургии

представители Святейшего Патриарха Московского, были приглашены совершить Божественную Литургию в Будапештском главном храме, настоятелем которого состоит протоиерей о. Иоанн Варну. Литургия должна была быть совершена 18 августа. Это торжественное богослужение хорошо описано в переданной нам д-ром Михаилом Поповым заметке: «Радость несказанная».

В начале этой заметки автор описывает положение Православной Церкви в Венгрии и затем благодарит Бога за то, что для них, наконец, просиял свет с Востока «из России, из Советского Союза». Далее, он сообщает о том громадном впечатлении, которое вызвал приезд делегации Патриарха Московского. О приезде этой делегации было напечатано в венгерских газетах и, кроме того, сообщено по радио. Все православные венгры и многие русские эмигранты с нетерпением ждали дня 18 августа, чтобы увидеть и услышать «настоящих своих отцов духовных». О предстоящем богослужении также было объявлено по радио.

Мы приводим целиком описание Литургии из статьи д-ра Михаила Попова:

«Воскресенье. Уже с утра солнце палило, точно в Африке. Каменные здания возрождающегося Будапешта, мостовые, тротуары накалились, и от них веяло теплом, как из печки. Православные шли в свой храм и в одиночку, и группами. Слышалась венгерская и русская речь. Церковь наполнилась до отказа православными и людьми других исповеданий, так что многие остались на улице и все же, усвоив послевоенную привычку энергично проталкиваться вперед, некоторым удалось проникнуть внутрь Божьего дома.

Литургия началась в 10 час. Протоиерей о. Александр Смирнов сделал возглас и сказал по-славянски великую ектению. За ним по очереди произносили ектении на венгерском и румынском языках сослужившее духовенство обоих национальностей. Пел по-славянски экспромптом

соборный хор из русских эмигрантов. После евангелия епископ Нестор обратился со словом к молящимся. Его речь была настолько глубока по содержанию и красива по форме, что захватила души присутствовавших, даже не понимавших русского языка. Интонация голоса, ласковый добрый взгляд невольно заставлял их думать, чувствовать, что говорится о чем-то возвышенном. У русских на глазах стояли слезы радости; ведь они давно не видели настоящего, своего архиерейского богослужения, не слышали таких ободряющих слов из уст святителя Божия, приехавшего к ним из далекой Родины, о которой им внушалось много ложного, несправедливого и позорного.

Владыка сказал о своей миссии в Венгрии и напомнил о том, что Венгрия получила благовествование Божьего слова из Православной Византии, как и Русская Православная Церковь. «В давние времена, — говорил он, — Венгрия явила миру образцы православных подвижников. В Киево-Печерской Лавре почивают нетленные мощи св. Моисея Угрина (родом венгра), который подвизался во имя Христово и прославлен нетлением своих мощей. В день памяти этого общего угодника Божия и была направлена сюда делегация Русской Православной Церкви для того, чтобы вас венгров, братьев по вере, с любовью принять в объятия нашей Церкви».

«Если, — говорил далее владыка, — мы будем иметь веру с зерно горушное, то вера эта будет двигать горами. Вы верите и пламенно желаете, чтобы у Вас была Венгерская Церковь, то по вере вашей будет вам. Мы не отвергаем страждущих, а Вы страждете; Вам нужна наша помощь, и великая Русская Церковь окажет Вам ее с любовью».

Слово Преосвященного Нестора немедленно же, в краткой форме, было переведено на венгерский язык и вполне понято и принято молящимися с великой благодарностью...

К 12 часам кончилась Литургия. Владыку Нестора окружили венгерские православные и русские эмигранты. Преосвященный Нестор и отец Александр просто со всеми говорят, что производит особенное впечатление на венгров, не привыкших к непосредственным отношениям западных инославных владык к их пастве. Владыка благословляет направо и налево взрослых, детей, а о. Александр, раздавая издания Московской Патриархии (журналы, календари, книги), рассказывает правду о Советской России, оба обещают, что в Будапеште будет и русская церковь, с русским священником. Венгры ликуют, русские в восторге, преосвященный Нестор и о. Александр ласково улыбаются, и у всех на лицах, идущая из глубины души — радость несказанная».

После Литургии молившимся гостям была предложена трапеза в доме настоятеля храма. Среди присутствовавших были: представитель Союзной Контрольной Комиссии Б. П. Осокин; архимандрит Иоанн (Питерфалфи), протоиерей администратор Венгерской Православной Церкви о. Иоанн Олах, протоиерей о. Иоанн Вариу, священник о. Георгий Хоторан. Здесь же присутствовали представители Министерства Культур. За обедом произносилось много задушевных тостов: за Святейшего Патриарха Московского и за его делегатов в нашем лице.

Отец протоиерей Вариу в своем тосте от всего сердца благодарил Святейшего Патриарха Московского за его заботу по благоустройству Венгерской Православной Церкви и выразил желание, чтобы он дал им епископа, чтобы венгерский язык получил значение церковного языка и Венгерская Православная Церковь после длительной неурядицы получила бы каноническое благоустройство. Затем, обратившись к владыке Нестору, просил его, чтобы он своим авторитетом помогал православным венграм в их церковных делах. С такой же просьбой он обра-

На приеме у венгерского министра Просвещения и Культур

тился и к представителю Советского посольства Б. П. Осокину. Сердечно поблагодарив «посольников» патриарших, он закончил свой тост здравицей Святейшему Патриарху Московскому¹ и всея Руси Алексию, членам его делегации и представителю Советского посольства Б. П. Осокину.

Владыка Нестор, отвечая на произнесенный тост, сказал следующее: «Четыре года назад трудно было бы поверить, что здесь, в Будапеште, мы соберемся вместе молиться и по молитве в мире и любви будем разделять трапезу. Однако, Промысл Божий устроил так, что снова торжествуют идеи христианские над звериной нацистской идеологией. Для христиан нет ни еллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, но все люди равны во Христе Иисусе. Этот христианский принцип применяется в современной жизни демократических государств вместо дикого разнузданного, дошедшего до совершенно фантастических пределов гитлеризма, направляющего на убийство людей только за то, что они принадлежат к другой расе. У нас на нашей Родине нет розни национальной, у нас ликвидированы классы. Наши солдаты отдали свою жизнь не только за свою свободу, но и за свободу всех демократических стран Европы, в том числе и за Венгрию. На происходящей в настоящее время Мирной Конференции в Париже глава нашей делегации В. М. Молотов сказал, что все народы, большие и малые, имеют одинаковое право на счастливую жизнь. Он защищает на этой Конференции интересы этих малых народов, в том числе интересы Венгрии — мадыарского народа. Раскрывая вам дружеские объятия и прижимая к сердцу, я поднимаю свой бокал за Вас православных венгров, родных нам по вере и близких нам по свободолобивым идеям и по устремлениям к счастливой жизни, какую мы имеем на нашей Родине».

Я, как второй член делегации Патриарха, в своем тосте напомнил православным венграм, что они в своем письменном обращении к Патриарху Московскому о принятии их в его юрисдикцию сравнивают себя с сиротами-детьми, не имеющими отца. «Это сравнение напомнило мне евангельское слово Спасителя: «Коль краты восхотех собрати чада Своя, якоже собирает кокош птенцы своя под крыле» (Мф. 23, 37). Делегация Русской Православной Церкви принесла вам весть этой призывной любви нашего Святейшего Отца. Мы слышали сегодня за Божественной Литургией уверение Спасителя, что сильная вера может переставлять горы, а в деятельности святых христианских миссионеров, как, например, Григория Неокесарийского мы знаем, что они на первых шагах своей деятельности обретали небольшое число христиан среди массы язычников, но при завершении подвига, наоборот, оставляли небольшое количество язычников среди сплошной массы христиан. Будем верить, что братская любовь, объединяющая Русскую Православную Церковь с Венгерской Православной Церковью даст свои богатые плоды, и через небольшое количество лет мы увидим расцвет Православия в Венгрии... За братское объединение православных церквей, за расцвет Православия в Венгрии и за нашего Святейшего Отца Патриарха Московского Алексия». Этот тост покрылся многолетием на трех языках: на русском, венгерском и румынском.

По окончании трапезы в домашней и приятной обстановке присутствующими были исполнены несколько наших русских национальных песен, с которыми жители Будапешта ознакомились после бывших здесь гастролей Московской хоровой капеллы проф. Свешникова. Среди прочих песен была исполнена известная прекрасная элегия «Вечерний звон», вызвавшая у некоторых присутствовавших самые искренние слезы.

В первом ряду (слева направо): епископ Нестор, протонерей о. Александр Смирнов;
во втором ряду: священник о. Георгий Хоторан, протонерей Иоанн Олах, представитель
Союзной Контрольной Комиссии Б. П. Осокин, архимандрит Иоанн (Питерфалфи),
протонерей о. Иоанн Вариу

Из дальнейших впечатлений нашей поездки в Венгрию считаю нужным отметить посещение нами русского православного храма в с. Юрем. Эта церковка возникла в 1801 г. по завещанию русской великой княгини Александры Павловны, бывшей замужем за королем Венгрии Иосифом, и построена над ее могильным склепом.

При входе в храм видишь всюду наш милый русский стиль, и, глядя на окружающее, хочется сказать: «здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Здесь видны давно знакомые и дорогие для нас иконы с изображениями православных святых: св. благов. князя Александра Невского, св. муч. царицы Александры; св. Николая чудотворца, св. Митрополита Петра; св. апостола Андрея Первозванного и др.

На правом клиросе находится полный круг богослужебных книг Православной Церкви и большое собрание церковных книг на славянском языке. С момента постройки этой церкви был установлен обычай назначать при ней русского священника. Для него был выстроен специальный дом недалеко от храма, а при доме находился небольшой участок земли, на котором разбит великолепный фруктовый сад. За последние два десятилетия католики, благодаря своим проискам, и при поддержке венгерского королевского правительства, овладели этим домом и садом. Мы, как делегаты Московского Патриарха, заявили во время нашего визита Министру Просвещения и Культов свой протест против столь несправедливого поступка католиков и возбудили ходатайство о возвращении дома и сада законным его владельцам, т. е. православному духовенству.

Затем мы посетили Венгерскую Православную духовную академию, расположенную в пригородном дачном месте (Хювешвельд, ул. Сен Миклош, 3), которая в настоящее время пустует. При осмотре академии мы установили полную пригодность здания для дальнейшего использования его по назначению, т. е. для возобновления в нем учебных богословско-педагогических занятий.

Среди прочих визитов мы 19 августа, на праздник Преображения Господня, сделали визит Сербскому епископу Георгию, проживающему в поселке Сэнт-Андрэ, на расстоянии часа езды от Будапешта. Епископ Георгий пригласил нас присутствовать за великой вечерней в храме, где был престольный праздник и устроил Владыке Нестору встречу, как епископу, «со славой». По случаю храмового праздника церковь была украшена зеленью, как на Троицын день. Богослужение совершалось по уставу Православной Церкви и на церковно-славянском языке, тождественном с языком наших богослужебных книг, только гласовые напевы отличались от наших и приближались к древнерусским старообрядческим напевам, которые поются в унисон.

Из деловых визитов следует отметить наше посещение Министра Просвещения и Культов. Во время беседы с Министром епископ Нестор выразил надежду на то, что в демократической новой Венгрии Православная Церковь найдет себе место, равное с другими христианскими вероисповеданиями, что законодательные положения императрицы Марии Терезии, бывшие дотоле в силе и дискриминировавшие Православную Церковь, будут упразднены, и она будет пользоваться всеми правами и преимуществами при совершении своих религиозных обрядов и для гармонического развития, тем более, что Венгрия приняла христианство, как и Россия, от Православной Византии. В венгерской народной душе Православие до сих пор сохранилось во всей чистоте. Московская Патриархия, принимая в общение православных венгров, будет через них иметь здесь свой кусочек сердца»...

Более практические мероприятия по устройению Венгерской Право-

славной Церкви были предметом обсуждения во время нашего посещения статс-секретаря Министерства Просвещения и Культов.

Незадолго до нашего отъезда Б. П. Осокин устроил на своей загородной вилле для нас, как для делегатов Московского Патриарха, обед. При этой вилле имеется прекрасный сад, а в саду водный бассейн, выложенный изразцовыми плитками. Здесь мы, московские гости, среди душного жаркого будапештского дня нашли приятную освежающую прохладу.

В гостинице «Британия» мы имели возможность по радио ежедневно слушать Москву и каждый вечер нашей жизни в Будапеште мы, как и в Москве, засыпали под звон кремлевских курантов.

Перед отъездом нашим в Москву мы сделали прощальный визит генералу Свиридову.

23 августа, рано утром, мы выехали на советский аэродром в сопровождении представителя Советского посольства Б. П. Осокина, администратора Венгерской Православной Церкви протоиерея о. Иоанна Олоха и протоиерея о. Иоанна Вариу.

В 7^{1/2} час. утра наш самолет поднялся с венгерской территории и пустился в обратный путь. Снова Карпаты, и снова те же ощущения. Без посадки в пути мы через 5 час. 50 мин. были уже в нашей родной Москве.

ПРОТОИЕРЕИ А. П. СМЕРНОВ

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ

Родина! Что может быть выше этого слова на земле?!..

Мне думается, что только тот может понять и оценить это слово, во всей полноте и смысле его значения, кто так или иначе выстрадал за него и, особенно, кто жил более или менее продолжительное время вне Родины, за границей.

Судьба забросила и меня, на значительный период моей жизни, в Польшу, где — около двадцати лет — мне пришлось работать, хотя и среди родного и близкого мне украинского и белорусского народа, но все же, в условиях чуждых нашим национальным и бытовым традициям и потому полных духовной неудовлетворенности и тоски по родным, утраченным идеалам.

Поэтому, когда решающий 1939 год принес всей Западной Украине и Белоруссии освобождение, мы все там были искренно счастливы не только за духовное, но и пространственное объединение со всею великою и могучею нашей Советской Родиной. Но война 1941 года вскоре оторвала нас от этого единения, и мы снова оказались в рабстве, наихудшем, какое можно только себе представить, — в рабстве хищного и беспощадного немецкого зверя.

Трудно описать картину страданий нашего украинского и белорусского народа, под пятой этого временного, коварного и надменного немецкого хищника, вообразившего себя как-бы в Африке среди дикарей, и потому безжалостно истреблявшего не только всю нашу тысячулетнюю, национальную культуру, но и жизни миллионов гражданского населения.

Жутко и больно было смотреть на те невероятные и бесконечные разрушения, которые предстали моему взору при возвращении моем на родину: города и села, где только стоял временно наш злобный и надменный враг, — все это разрушено, исковеркано и изуродовано до неузнаваемости...

На всем протяжении моего путешествия по родной земле, начиная от русской границы с Чехословакией и городов: Мукачева, Львова, Здолбунова и других близких и хорошо известных мне уголков Западной Украины, и кончая древнею «матерью городов русских», севодняшым и величественным Киевом, а также городами: Нежином, Брянском и Орлом, я увидел всюду по пути следы такой массы разрушений и развалин, что мое сердце буквально обливалось кровью, — так было больно смотреть на все эти незажитые еще наши отечественные раны, плод чудовищных зверств и озлобления обезумевшего от неудач военного хищника.

Трудно согласовать и с логикой все эти безумные зверства, бесцель-

ность и бессмысленность которых ясны каждому непредвзятому уму: что хотел этим выразить коварный враг, — вероятно и сам он не сумел бы объяснить. Проще признать их результатом его бессильной злобы и дикого, чудовищного ослепления...

И вот, на фоне этой злобы, выплывает лик русского народа, — такой противоположный: отзывчивый сердечный и незлопамятный; какой противоположностью является он по отношению к своему побежденному врагу, и как, в общем, снисходительно относятся все русские люди к своим военнопленным!..

И далее, что поразило меня, по возвращении моем на родину, — это удивительная энергия и творческая работоспособность нашего народа.

Не уныние и не надломленность духа, какие естественно было бы ожидать после этой страшной мировой войны, нашел я среди нашего родного народа, но именно его поразительную творческую бодрость, доходящую временами до энтузиазма, в деле восстановления разрушенных городов и сел, фабрик и заводов, храмов и жилищ, и вообще всей нашей общественной и бытовой структуры. Поразил меня также и изумительный подъем свободного религиозного самосознания, готовности верующих идти на все лишения, во имя возрождения церковной жизни и местами полузабытых церковных идеалов.

Уже тот очевидный факт, что целая Галиция, а вслед за нею и Прикарпатская Русь после почти четырехсотлетнего над ними римского владычества, воссоединились с родной Православной Русской Церковью и что все наши внутренние разделения и расколы изжиты; что народ наш и его иерархия дружно сплотились в один сплошной, можно сказать, церковный монолит, вокруг сияющего священным нимбом Московского Патриаршего Престола, — уже эти простые и очевидные примеры, сами собой, с поразительной ясностью и рельефностью свидетельствуют о мудром управлении в Русской Православной Церкви, о ее высоком церковном удельном весе, а также о ее определенных национально-церковных устоях, которыми так решительно отличается мировоззрение православное от католического. Идея соборности и здорового церковного демократизма, идея царствия Божия «не от мира сего» (Ин. 18, 36), простота и безыскусственность, как основной лейт-мотив в жизни и нравах Православного Востока, — вот камни преткновения между нами и Римом, вот чем отличается Православие от Католичества!

Поэтому, когда я вступил в управление вверенной мне Святейшим Патриархом Алексием Орловской епархией, я был не только удовлетворен своей новой духовной паствой, но и успел привязаться к ней в самый короткий срок после моего прибытия.

Думаю и имею основание быть уверенным, что и паства также привязалась ко мне, тем более, что за короткое время я успел послужить в ряде городов моей новой епархии, в том числе в Брянске, Ельце и Задонске, и везде имел с моей паствой самое живое и трогательное общение. Что же касается города Орла, то в нем я имел возможность совершать службы во всех храмах и даже в Никитском храме освятить престол.

Однако желая быть искренним и откровенным, не могу скрыть и некоторых дефектов в нашей церковной обстановке, которых, к сожалению, еще не мало, особенно в быту нашего приходского духовенства и церковных старост, часто не всегда помышляющих о своем высоком назначении и призвании.

Впрочем, исключения ведь бывают и во всех грамматических правилах, отчего эти правила отнюдь не теряют своей силы и целесообразности. Зато верующий наш церковный народ, своею верою и благоче-

стием, как-бы искупает все наши немощи и невольные недостатки и свою любовью покрывает их, в назидание нам и руководство, а великая творческая стихия по возрождению наших высших духовных школ дает нам светлую надежду на будущее.

Самое оживление нашей отечественной церковной жизни чувствуется не только в возрождении новых церковных общин и приходов: оно чувствуется прежде всего в громадной посещаемости богомольцами наших храмов, в красоте церковного богослужения, а также, и это быть может самое главное, в молитвенно-религиозном экстазе всех верующих людей. Теперь ведь это не простые формалисты, отбывающие, так сказать, церковную повинность казенного, «господствующего» Православия, какое наблюдалось нередко прежде, до революции 1917 года, когда за принадлежность к Православной Церкви и служение в ней можно было получать различные государственные награды, вплоть до чинов и орденов. Теперь это люди, в подавляющей массе, вполне церковно-сознательные, убежденные и глубоко преданные Матери-Церкви не во имя каких либо житейских интересов, но в силу своей глубокой веры и во имя спасения души, весьма часто с поразительной чувствительностью переживающие все наши духовные скорби и радости и реагирующие тем или иным образом на духовные недуги и нестроения.

Поэтому управление епархией в настоящее время дело не легкое, как это было прежде, но весьма сложное и трудное, требующее громадной чуткости, зоркости и непрестанной духовной бдительности, что, при наличии упрощенной системы всего канцелярского епархиального аппарата, временами налагает на некоторых епископов даже непосильное бремя.

Правда, количество приходов в епархиях теперь, сравнительно с прошлым, сильно сократилось, но зато сами по себе приходы значительно разрослись и местами таковы, что наше духовенство едва справляется со своими обязанностями, а временами даже и изнемогает от переобремененности церковными требами, так что для своей личной жизни не имеет ни одной свободной минуты.

Тем не менее вся наша родная церковная жизнь, можно утверждать, явно идет к прогрессу и определенно выполняет не только свою внутреннюю, идейную миссию, но религиозно-нравственному воспитанию нашего народа, но и, что важнее всего, выявляет свое всемирно-историческое призвание, объединяя весь православный мир и все славянские народы под одним общим церковно-национальным лозунгом великой и неумирающей Кирилло-Мефодиевской идеи. «Москва — третий Рим», остается попрежнему символом всемирной собирательной идеи, в противовес папству, с его стремлениями к духовному самодержавию, епископским аристократизмом и маниакальными мечтами о земном владычестве. Посещение Москвы Восточными Патриархами, посещение Святой Земли Святейшим Патриархом Алексием, приезд в Москву делегации от Православной Чешской Церкви и, в результате, назначение туда русского православного Экзарха говорят об исключительном оживлении в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать», как говорили наши предки, во времена Иоанна III...

При таких условиях продолжалось и мое недолгое управление Орловской епархией, пока, наконец, бывший архиепископ Орловский Фотий снова не возвратился на свою кафедру, а я не оказался перемещенным на кафедру Тульскую.

Впрочем и в Туле я почувствовал себя неплохо, так как и здесь на-

шел вполне благоприятную почву для церковной работы, а духовенство Тульской епархии в интеллектуальном отношении даже оказалось значительно выше Орловского духовенства. Что же касается самих приходов Тульской епархии, то достаточно лишь указать, что среди них имеется и такой приход, как «Ясная Поляна», с православным храмом в селе Кочаки (где погребены все Толстые и куда я недавно командировал, в качестве настоятеля прихода, магистра богословия Московской духовной академии, митрофорного протоиерея Александра Князева), чтобы понять, какая высокая нравственная ответственность ложится на меня по управлению новой епархией.

В самой Туле духовенство оказалось также с достаточно высокой богословской квалификацией, жизнь церковная здесь, можно сказать, бьет полным ключом: храмы всюду основательно ремонтируются, приток богомольцев большой, и духовенство едва справляется со своими многочисленными церковными обязанностями, архиерейский дом благоустроен, гражданские власти относятся к Церкви благожелательно, и лишь от нас зависит дальнейший благоприятный ход всей нашей патриотической и церковной деятельности.

АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (МАРЦЕНКО)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА НЕЙ

Когда в сентябре 1939 года Красная Армия перешла границы бывшей Польской Республики и освободила братьев украинцев и белорусов из-под ига польских панов, нам, православным священнослужителям, оставалось только радоваться этому освобождению, радоваться радости детей, оказавшихся снова в объятиях родной Матери-Церкви Российской, радоваться объединению с братьями украинцами и белорусами великой семьи Советских Республик.

И мало кто из нас мог тогда думать, что не пройдет и двух лет, как еще более жестокий и коварный враг овладеет нашими освобожденными землями.

Грянул гром войны 1941 года: коварный безумец Гитлер вероломно напал на Советский Союз, и наши западные земли первые почувствовали на себе всю тяжесть железного немецкого сапога, придушившего многострадальный украинский и белорусский люд...

Нам, православным архипастырям и пастырям, украинцам и белорусам, верным своему законному священноначалию — Московской Патриархии — особенно пришлось испытать весь ужас владычества устроителей «новой Европы», приходивших в бешенство при одном упоминании имени Московского Первоиерарха, Блаженнейшего Митрополита, а позже — Святейшего Патриарха Сергия. Эта дикая злоба и ненависть немецких администраторов особенно усилилась с того момента, когда Блаженнейший Митрополит Сергей ясно и определенно выступил с грозным осуждением фашистских поработителей нашей дорогой Родины и с призывом к духовенству и верующим отдать все свои силы на защиту попираемого Отечества, для изгнания из пределов родной земли ненавистного врага.

Тягость нашего положения еще более усилилась появлением предателей и изменников Родины и Матери-Церкви среди нашего же духовенства, частично пошедшего на служение безумным фашистам: я разумею украинских автокефалистов — новолипковцев, отколовшихся самочинно от Матери-Церкви и вступивших с нами, верными Ей архипастырями и пастырями, в упорную, далеко неравную борьбу... С ними были вполне единодушны наши злые поработители, и посему понятно, что наше положение порою становилось столь тягостным, что нам приходилось опасаться за самое наше бытие...

Мне самому, автору сих строк, столько пришлось пережить моральных страданий, что о них можно было бы написать особую статью, но ограничусь только упоминанием о физических насилиях, дважды пережитых мною в 1941 и 1942 годах, когда пьяные солдаты едва не убили меня, вырвав клоч волос с моей головы и разбив до крови мне губу...

Мне же пришлось совершить отпевание двух моих священников, зверски замученных немцами за сношение с красными партизанами (протоиерей С. Матусевич и священник Г. Забельский). А еще два других моих пастыря были зверски замучены, один из них был сожжен со своею паствою в своем родном храме (село Хомск, возле г. Дрогичина, священник Антоний Хох и священник Н. Михайловский).

Понятно, с каким жадным нетерпением ожидали мы грядущего с востока освобождения от диких орд фашистов, заливших кровью наши родные земли.

Но не судил Господь мне дожидаться прихода родных воинов-освободителей. Ненавистный враг увез меня и часть моего духовенства в свою землю...

Целый год пребывания на земле врага и злого опустошителя моей родины навсегда останется в памяти... Полуголодное существование на чужбине, потеря возможности молиться в родном храме из-за необходимости признавать неканоническую заграничную русскую эмигрантскую иерархию, все это ложилось тяжелым бременем на душу, заставляя находить единственное утешение в келейной молитве о скорейшей победе над ненавистным врагом — фашизмом.

И милость Божия не замедлила свершиться: враг разгромлен, война окончена, а наш город (Мариенбад, в Чехословакии), до того времени присоединенный к немецким землям, снова возвращен своему законному владельцу — Чехословацкому Государству.

Явилось великое утешение: стало возможным в местном русском храме возносить за богослужением имя родного Первосвятытеля, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Я первый сие совершил вскоре же после праздника св. Пасхи 1945 года. И тотчас же снесся со Святейшим Патриархом, исповедав свою верность Матери-Церкви Российской и ее священноначалию. Святейший ободрил скорым ответом, а в октябре месяце и своего дорогого представителя к нам прислал — Высокопреосвященного Архиепископа Орловского Фотия, и о возвращении на горячо любимую Родину с сим святителем заговорили... А вскоре и гражданство наше советское в Пражском Посольстве легко и беспрепятственно восстановили... И с нетерпением ожидали решения судьбы нашей нашим Отцом и Первосвятителем, молясь в русском храме за него, за Родину нашу освобожденную и ее мудрых вождей и правителей, во главе с великим и славным Иосифом Виссарионовичем Сталиным, своим военным гением даровавшим победу и освобождение не только Родине нашей, но и всем другим свободлюбивым народам...

Но вот и незабвенный день, когда по вызову Советского посольства в Праге, прибыл я в столицу Чехословацкой Республики, где Советский Консул с присущей советским представителям любезностью и радушием, принял меня и вручил указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси о моем назначении на Молотовскую архиерейскую кафедру, поздравив с сим высоким назначением.

Радости нашей не было границ, ибо это назначение открывало нам свободный путь для возвращения на отнятую от нас, но горячо любимую Родину.

Только не сразу осуществилась наша мечта о возвращении домой, на Родину. Нужно было озаботиться слачей Мариенбадского храма, подумать о судьбе моего духовенства, списаться по сим вопросам со Святейшим Патриархом, выяснить этапы путешествия и т. д. Пока шла переписка, наступила Страстная Неделя и Праздник св. Пасхи.

Эти дни провели мы в церковной молитве с нашей немногочисленной

русской заграничной паствой, а в день Св. Великомученика и Победоносца Георгия выехали в Прагу для дальнейшего следования на Родину.

Не могу не упомянуть о чрезвычайном внимании и заботливости, какое проявила к нам Репатриационная Комиссия в Праге, во главе с подполковником Красной Армии Деевым.

Со всеми возможными удобствами, предоставленными нам заботами подполковника Деева и его сотрудников, выехали мы 11 мая поездом из Праги к Советско-Чешской границе.

С душевным трепетом радости и нетерпения приближались мы к родной земле. Невольно думалось: как-то встретит нас народ-страдалец, перенесший мучительные тяготы небывалой войны, но победивший врага гением своего великого вождя... Верилось, что народ наш поймет нас, исстрадавшихся в тоске по Родине среди ненавистного врага, забравшего к себе в рабство миллионы наших братьев... И мы не ошиблись: когда мы оказались на родной земле, всюду встретили мы полное радушие, внимание и заботу. На всех узловых железнодорожных станциях нам оказано было полное и скорое содействие к дальнейшему нашему продвижению к месту назначения.

В г. Мукачево (Закарпатская Украина) совершенно неожиданно прибыли на вокзал духовные представители местного Преосвященного епископа Нестора и меня вместе со спутниками моими на машине свезли в архиерейский дом для отдыха.

Самого владыки не было дома (он уехал по служебным делам в г. Киев), но его секретарь — священник и все обитатели архиерейского дома предоставили нам полную возможность удобного отдыха и подкрепления обильной трапезой.

На другой день с помощью того же о. секретаря и с помощью сопровождавшего нас офицера Репатриационной Комиссии мы были посажены в прямой вагон Мукачево—Москва. Дальнейший путь наш через город Львов и Киев ознаменовался проявленным к нам вниманием Преосвященного архиепископа Львовского Макария, приехавшего с протоиереем Казновецким и другими двумя работниками его епархиального управления на вокзал с целью посетить нас в нашем вагоне. В братской, дружественной беседе провели мы с архипастырем более часу времени...

А дальше родная, хорошо знакомая Волянь: Здолбуново, Дубно, виднеющаяся отчетливо Св. Успенская Почаевская Лавра, где совершилась моя архиерейская хиротония. Невольно слезы льются из глаз, слезы радости, что привел еще Господь повидать родные места, где так хорошо, сладостно молились в дни посещения народных святынь в великие праздники, когда стекались сюда на молитву десятки тысяч верующих украинцев... А встречающиеся на станциях батюшки повествуют о том, что и теперь они свободно молятся со своими паствами пережившими лихолетье кровавой бойни...

На станциях «изобилие плодов земных», от чего мы так отвыкли за границей: всюду продается молоко, яйца, белые булки, мясные продукты и т. д. Чувствуется, что восстанавливается жизнь после пронесшегося военного вихря. Вот только груды развалин вместо бывших некогда красивых и обширных вокзалов и станционных строений всюду встречаем мы: враг отходя все сметал, в бессильной злобе мстя народу-победителю...

Но вот и мать городов русских — Киев. В окно вагона любимся святынями сего славного города: св. Лавра, соборы, монастыри.

Спустя неделю по выезде из Праги, мы наконец прибыли в Москву, столицу великого Советского Союза.

Наконец, сбылась моя заветная мечта: я — там, где пребывает глава нашей Русской Православной Церкви, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Давно стремился я лицезреть Первосвятителя Матери—Церкви. Не судил мне Господь увидеть Блаженнейшего Митрополита Сергия, ибо война тогда помешала побывать мне в Москве, но зато теперь Господь привел меня хотя на самое короткое время насладиться лицезрением и беседой со Святейшим Патриархом Алексием.

Я знал Святейшего лишь по портрету его, полученному мною через архиепископа Фотия в Карлсбаде.

Встреча с Первосвятителем превзошла все мои ожидания: чрезвычайная любезность и радушие высокого хозяина буквально очаровала меня, а окружающие Святейшего его ближайшие сотрудники (о. протопресвитер Н. Колчицкий, о. архимандрит Иоанн, Л. Н. Парийский) еще более усилили мое очарование.

Святейший Патриарх, несмотря на поздний вечерний час, тотчас же запросто принял меня в своем рабочем кабинете, а после краткой беседы поспешил подкрепить меня и моего иподиакона трапезой в своей столовой. После трапезы любезный хозяин — Первосвятитель еще беседовал со мной, показал свой домовый уютный, благоуукрашенный храм, снабдил «Журналом Московской Патриархии» за прошлые годы (я их не имел за границей) и даже подкреплением в пище для оставшихся на вокзале моих спутников, мило распрощавшись, отправил в своем авто на вокзал, сожалея, что я не смог дольше побыть в Москве для обозрения ее достопримечательностей.

Около полуночи того же дня я выехал в Молотов, к месту моего нового служения.

Еще двое суток путешествия, через Владимир, Горький, Киров, и мы благополучно прибываем в Молотов, около 11 часов вечера.

С большим радушием и неподдельной радостью встретили меня в моем кафедральном городе пастыри и паства, ожидавшие моего прибытия из-за границы несколько месяцев, будучи лишены архиерейского руководства со смертью своего любимого владыки, преосвященного архиепископа Александра. Хотя временно управляющий епархией епископ Свердловский Товия и навещал иногда г. Молотов, но паства жаждала постоянно молиться со своим, Молотовским архипастырем.

А паства здесь поистине боголюбивая, усердная к храму Божию, благоговейщая пред своим архиереем. И с первых же дней своего служения в Кафедральном соборе и другом, Ново-Кладбищенском храме я почувствовал, сколь благодарна здесь почва для архиерейских трудов и как трудно мне будет идти путем Святителя Стефана Пермского и прочих великих Святителей сего города и края. Но «сила Божия в немощи совершается», а любовь паствы к своему духовному вождю и ее духовное горение невольно зажигает и мое порой холодное сердце в сем далеком краю, и я надеюсь, с Божьей помощью, быть добрым пастырем врученного мне словесного стада Христова.

Радуюсь своему возвращению на Родину, ибо здесь раскрывается полная возможность свободно трудиться на ниве Христовой. Государственные власти Советского Союза не только предоставили полную свободу Православной Церкви жить и развиваться при внутренней ее свободе, но оказывают ей и всемерную поддержку и помощь во всех ее начинаниях, направленных к благу как самой Церкви, так и великой нашей Родины, Советского Союза, ставшего на путь усиленного строительства государственной и общественной жизни, нарушенной прошедшими годами страшной военной разрухи.

Народ труженик, народ-герой, выдержавший тяжелое испытание страшной войны, ныне самоотверженным трудом залечивает нанесенные ему коварным, безумным врагом человечества, диким зверем — фашистом — раны и, с Божьей помощью, поднимает свое Государство на еще большую высоту. В этом деле немалую роль играет и наша Русская Православная Церковь, поднимавшая в годы войны в верующих массах дух патриотизма, а ныне также, в лице своих архипастырей и пастырей, верных своей Родине, ее великому вождю и Правительству — зовет своих пасомых к мирному самоотверженному труду на благо Родине.

Наша Русская Православная Церковь, пользующаяся полной свободой в своей внутренней жизни и развитии, оправдала и еще в большей мере оправдает оказанное ей великим вождем и Правительством нашей Родины, доверие и, верим мы, будет процветать и развиваться, занимая руководящее положение среди других славянских Православных Церквей, в братском единении с другими сестрами — автокефальными Церквями.

Таковы мои первые впечатления после 3-х месячного пребывания на Родине.

14 августа 1946 года

ИОАНН, АРХИЕПИСКОП МОЛотовский и соликамский

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА РОДИНЕ

По милости Божией, благополучно подъезжаю к станции Лунинец со стороны Львова. Здесь необходимо прервать мой путь до утра в ожидании поезда на Пинск. Слава Богу, я в краю родном, от юных дней знакомом. Спутниками моими по вагону оказались, по преимуществу, военнослужащие. С ними я уже свыкся. Беседа, начатая путевыми впечатлениями, переходит к вопросам специальным: атомной энергии, религии, о Полесье и др. Не всегда сходимся в суждениях, но из орбиты мирной не выходим. Пред остановкой в Лунинце начинаю беспокоиться отсутствием носильщиков: у меня же 8 ручных вещей. Спутники — офицеры меня успокаивают, обещая свою помощь. Остановка; поезд стоит полчаса; выхожу из вагона. Действительно, мои спутники-офицеры, в числе 6 человек, не ожидая моих просьб, идут вслед за мною, захватив по одному чемодану, направляясь к камере хранения. Из другого вагона поспешно выходит пассажир, с радостью узнающий во мне бывшего своего воспитателя, и краткими вопросами задерживает. Я смущенно упрощаю военных спутников, поставив вещи, возвратиться в вагон, но любезные офицеры твердо решили обождать окончания моей беседы. Пришли к камере хранения. Не находя слов благодарности, я крепко жму руки неожиданных моих благожелателей. Они возвращаются к поезду. Волнующие мысли и чувства охватывают меня — ведь эти люди совершенно иной среды и положения; люди, от которых я ожидал сухой молчаливости, оказались моими благожелателями. Оглянувшись на поезд; он не трогается в путь. Спешу в вагон, где они скрылись, и еще раз приношу офицерам Красной Армии мою глубокую благодарность, напутствуя благопожеланиями при крепких рукопожатиях. Расстаюсь с неожиданными приятелями при многочисленных пассажирах, повидимому, с удовлетворением принявших содружество неизвестного монаха (я был в клобуке) и представителей Красной Армии. В настроении и действиях последних в отношении первого выявилась высота сознательности русского воина-победителя и красота русской души. Вот чем богата и славна наша Родина!

С первых моих шагов после продолжительной разлуки она порадовала меня справедливым отношением к Православной Церкви, ее служителям и верующим, спокойным доверием и доброжелательностью. Неверующий и член Православной Церкви являются равноправными гражданами. Результатом доверия народа и Правительства к Русской Православной Церкви является открытие духовных школ: низших, средних и высших, монастырей, Троице-Сергиевской Лавры, необходимых для Церкви специальных заводов и пр. Духовенство свободно исполняет свой пастырский долг. Епископы без стороннего вме-

шательства несут бремя церковного управления. Никто и мне не препятствует воздавать в общественных богослужениях Божие Богу и канонически управлять вверенной мне Святейшим Патриархом Московским и всея Руси епархией.

Колоссальная предстоит работа для Союза ССР по восстановлению разрушений, причиненных жестокой войной. Необходима объединенная работа всех граждан. Как выросла в Союзе мощь военная, упорным трудом давшая решительную победу над искусным врагом; как вернулась и сила техническая и строительная, громогласным и ярким свидетелем чему является Москва, поглотившая свои окраины и установившая их рядами новостильных высоких каменных домов, связав с ними центр знаменитым и несравнимым метро; как в короткий срок поднялись из земли многие союзные города, — так в той же пропорции совершит восхождение культурная и нравственная мощь страны. Православная Церковь, надеемся, на пути восстановления и роста страны займет, с Божией помощью, не последнее место.

Благодарю Господа, допустившего, чрез власть духовную, и мое недостойнство в ряды строителей Русской Церкви и Родины.

Благодарю представителей власти Советского Союза, не только великодушно разрешивших мне возвратиться в родной край, но и содействовавших своими распоряжениями более удобному и благополучному путешествию по назначению.

ДАНИИЛ, АРХИЕПИСКОП ПИНСКИЙ И ЛУНИНЕЦКИЙ

ПОПЫТКА ВАТИКАНА ПОДЧИНИТЬ СВОЕМУ ВЛИЯНИЮ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН НА БАЛКАНАХ

(Краткий исторический очерк)

История южных славян мало известна русскому обществу. Переселившись в незапамятные времена из Средней Азии в Европу, славяне заняли местность между Карпатскими горами и Балтийским морем. С Карпатских гор они расселились в западном, южном и восточном направлениях, разделившись на многие отдельные народы и племена.

Южные славяне заняли нижнее течение Дуная и часть Балканского полуострова по соседству с Византией. От Византии они заимствовали религию и культуру, в то время как западные славяне — чехи, поляки и др. в военном, политическом и религиозно-культурном отношении примкнули к германскому миру и к западной католической и отчасти протестантской церкви.

Папство никогда не оставляло мысли подчинить себе православный Восток — эту колыбель христианства, без обладания которой оно чувствовало себя оторванным от корня древне-исторического и, следовательно, истинно-вселенского христианства. Папы зорко следили за событиями той мировой борьбы из-за Константинополя, в которой они желали принять непосредственное участие.

С этой целью они задались грандиозным планом создать из западного олатиненного славянства враждебный оплот против православного славянства с Россией во главе.

Наступление на Восток начинается со времен глубокой древности и продолжается до наших дней.

Этой цели могла служить, прежде всего, церковная уния южных славян с Римом, которую папы считали переходной ступенью для полного подчинения униатов Риму, что испытали на себе и западные славяне в Галиции, и Белоруссии, и на Украине, когда под видом братского общения славянские земли в сущности были отданы во власть иезуитов. Подчинившись папскому влиянию, униаты — славяне испытали на себе все горькие последствия унии. Они очутились в духовном и политическом рабстве у пап, стремившихся обезличить православное духовенство, как национальную силу, и вытравить в славянах не только религиозные верования православия, но и народный дух. Та же участь грозила теперь и южным славянам.

Ближе всех к Риму из южно-славянских народностей были хорваты, жившие по притокам Дуная — Саве и Драве. Они первые испытали на себе натиск римско-католической церкви и первые из южных славян признали власть пап.

Латинское духовенство не замедлило обратить хорватов, бывших язычников, в христианство по западному обряду. Приняв в 638 году крещение из Рима, хорваты, воинственный народ, перешли к мирной жизни и по данному папе обещанию больше не воевали, а занялись земледелием и морской торговлей.

Как и другие славянские народы, хорваты первоначально жили родовым бытом. Позднее у них произошло объединение в племена. Долгое время между племенами происходили ссоры и борьба. Только необходимость защиты от врагов заставила объединиться их в крупные союзные общины, на севере панноно-хорватскую по р. Саве и на юге — далмато-хорватскую в Далмации. Но и эти общины не всегда жили дружно между собою, чем и пользовались их враги.

В 830 году опять началось крещение народа вторично присланными из Рима католическими священниками. Далматская и Паннонская Хорватии соединились в это время под одним правлением. Несколько позже, когда учение Кирилла и Мефодия распространилось из Болгарии по р. Саве и дошло до Моравы, хорваты пожелали слышать проповедь христианства на родном языке и обратились с просьбой к византийскому императору прислать к ним славянских учителей — проповедников.

После того долгое время сношения с Византией у них были самые дружественные. Хорваты переходят от римского папы под главенство византийского патриарха, получают своих священников и богослужение на родном славянском языке. Но под давлением франков и под влиянием папства, снова, хотя и не сразу, а постепенно утверждается между хорватами римско-католическое учение. В IX веке окончательно устанавливается прочная зависимость хорватской епархии от Рима, и православная литургия на славянском языке была у них запрещена. Тогда же пограничный спор между восточной и западной церковью окончательно решился в пользу Рима. Желая совершенно изгнать славянский богослужебный язык и распространить в Хорватии латинское богослужение, папа дал одному из хорватских властителей — жупанов королевский титул, что и привело к победе латинства. Это внесло серьезное разделение между сербами, примкнувшими к восточной православной церкви и греческой культуре, и хорватами, принявшими христианство из Рима и подчинившимися в своем дальнейшем политическом и культурном развитии Западу.

Судьба Далмации, находившейся раньше в союзе с Хорватией, была иная. В начале XV века она подпала под власть Венеции и триста лет находилась в подчинении у итальянцев. Жившие в Далмации славянские племена подверглись сильному влиянию итальянцев, выработали свой особый характер и мировоззрение, отличное от других славян, а католицизм еще более обособил их от православных братьев.

В последующее время, в XVI и XVII столетиях, сербо-хорваты переходят под власть Австрии.

Славянские народы подвергаются гонению за свою веру, язык и обычаи.

В Хорватии вместо общинного самоуправления вводится немецкая администрация. Государственным языком для славян становится немецкий язык. Немецкому же языку обучают в обязательном порядке славянских детей в школе. Все воспитание построено так, чтобы вытравить в подрастающем славянском поколении национальные чувства и заставить детей сербов и хорват стыдиться своего славянского происхождения. Католическое правительство Австрии прилагает все усилия к тому, чтобы путем всяких льгот и привилегий для католиков и

всякого рода преследований для православных, истребить православие и принудить южных славян, попавших в зависимость от Австрии, перейти в католицизм и подчиниться папе. Начинается усиленная пропаганда католицизма и подавление при помощи иезуитов всякого проявления свободной мысли. Немногие оставшиеся защитники православного богослужения испытывают сильное преследование со стороны католического духовенства и особенно со стороны иезуитов. Часть славян от невыносимого гнета бежит из Австрии, переселяется в другие страны, как, например, сербы — в Россию, оставшиеся в большинстве подчиняются католическому влиянию.

Языческие религиозные верования южных славян обладали двумя отличительными чертами: во-первых, они были почитанием сил природы, во-вторых, культом предков. Но при языческом многобожии славянам не чужда была идея единого Бога, владыки мира и других подвластных ему богов, живших в общении с землей и принимавших материальный образ. Почитание сил природы выражалось у них, прежде всего, в поклонении высшему божеству, Сварогу, богу неба; восточные славяне, правда, уже не поклонялись этому богу, но память о нем сохранилась и у них в названии Дажь-бога сыном Сварога. Вместо Сварога высшим божеством у восточных славян стал Перун, бог грома и молнии, дарующий дождь.

Относительная чистота и высота основных религиозных понятий языческого славянства достаточно объясняет, почему славяне с такой легкостью принимали христианскую веру. С другой стороны, старые языческие верования, грубые и наивные по своей сущности, не могли уже удовлетворять потребностям славянских народов, переходивших в IX веке на другую высшую ступень их исторической жизни, от родового быта к государственному объединению. Язычество было слишком бедно нравственным содержанием, а, между тем, зарождавшееся государство, разбившее старые племенные связи, нуждалось в новых объединяющих и возвышающих нравственных влияниях. Язычество, кроме того, не удовлетворяло и тем, что оставляло не выясненным вопрос о загробной жизни. В том и другом отношении христианство имело несомненные преимущества пред языческой верой, чем и определилось его торжество в IX и X веках.

Неудачи западных проповедников, какие часто терпели они в своей миссионерской деятельности среди южных славян, встречавших их враждебно, иногда с оружием в руках, объясняются не существом проповедуемого ими учения, а несвойственными духу евангельской простоты мерами и примешиванием к чисто религиозным целям целей мирского своекорыстия. В славянских землях католическая проповедь всегда сопровождалась обманом и насилием. Католические проповедники в деле распространения христианства не гнушались никакими средствами, по принципу — цель оправдывает средство.

Совсем другой характер имела христианская проповедь, шедшая с Востока из Византии. В то время, как католическая пропаганда велась на чуждом непонятном для славян наречии, христианство из Византии начало преподаваться славянам на родном их языке, в живых беседах и поучениях. Проповедь христианства подкреплялась высокими примерами нравственной деятельности и жизни свв. Кирилла и Мефодия и их учеников. Поэтому совершенно мирным путем «без всякой борьбы и без крови» христианство было принято по восточному обряду в западно-славянских странах, в России и на Балканском полуострове, и «язычество всюду было похоронено». (Риттих, А. Ф. Славянский мир. стр. 147).

В 855 году св. Мефодий составил свою церковно-славянскую азбуку и приступил к переводу Евангелия и других священных книг. Славянская письменность распространилась очень скоро в Болгарии и других южнославянских странах. «Происки пап привлечь на свою сторону Болгарию имели следствием только окончательное отделение греческой церкви и византийского патриарха от Рима. Патриарх Фотий, друг св. Кирилла, поддерживал восточную литургию и служение на славянском языке, а папы разрешали это только для Велико-Моравии в виде исключения. Но и здесь со смертью Мефодия снова взяла верх латинская литургия, и ученики Мефодия были вынуждены вернуться в Болгарию, где с того времени стала процветать церковно-славянская литература». (Ритих. Славянский мир. стр. 112).

Можно сказать, что спор за право религиозного преобладания в славянских землях способствовал окончательному разделению Европы в религиозном отношении на Запад и Восток. (Там же, 112 стр.).

Соседняя с хорватами Босния никогда не была самостоятельным государством, но находилась в зависимости от более сильных соседей: Византии, Сербии, Хорватии, Венгрии. До половины XI века она составляла удельную область Сербии. С конца XI века некоторое время она принадлежала католической Хорватии. Затем с начала XII века до самого порабощения ее турками она была вассальным владением венгерского королевства. После освобождения из-под власти турок Босния попала в зависимость (оккупирована) от Австро-Венгрии.

Вследствие указанных политических причин Босния с давних времен была страной печального разномыслия. Приняв окончательно христианскую веру вместе с другими сербами от греческого православного духовенства в половине IX века, Босния так и осталась бы православной страной, если бы сохранилась под властью Сербии, или, отложившись от нее, успела бы в государственном отношении образовать самостоятельное государство. Но не случилось ни того, ни другого. Из-под власти православных сербов, в половине X века Босния перешла под власть католиков хорватов, после — венгров. Папы объявили ее за свою церковную собственность и, как в таковой, в ней тотчас же началась латинская пропаганда. При поддержке государственной власти католическая миссия добилась успеха, и тогда-то вместе с национальной православной верой в Боснии явилась другая — насильственно навязанная католическая. Несмотря на то, что католиков было значительно меньше, чем православных, католичество стало государственной господствующей религией. Не позже, как в конце XII века в Боснии уже была учреждена особая латинская епископская кафедра. Перед завоеванием Боснии турками приблизительно пятая часть ее населения исповедовала католическую веру. После завоевания Боснии турками католические епископы бежали в венгерскую Славонию, и боснийские католики остались без своих епископов.

Освободительная война 1877—78 гг. началась восстанием христианского населения Боснии и Герцеговины. По Сан-Стефанскому мирному договору Босния и Герцеговина должны были получить самоуправление, но Берлинский трактат отдал эти славянские земли во временное пользование, в оккупацию, Австро-Венгрии, которая впоследствии окончательно присоединила их к своим владениям (аннексия 1908 г.).

Что касается Герцеговины, то ее судьба очень сходна с историей Боснии. Герцеговина также находилась постоянно в зависимости от Болгарии, Византии, Сербии и Венгрии. Завоеванная в 1483 году турками, Герцеговина вместе с Боснией образовала одну из турецких про-

винций, и после освобождения от турецкого ига вместе они попали в зависимость от Австро-Венгрии.

С оккупацией Боснии и Герцеговины Австрией папы при поддержке австрийского правительства получили возможность поставить православную церковь в чрезвычайно тяжелое и унижительное положение. Начались насилия над православным населением. Католическая власть придумывала все меры, чтобы унижить православных. Католики, несмотря на то, что их в оккупированных славянских странах было вдвое меньше православных, пользовались главной поддержкой правительства. Собранные с православных деньги шли на содержание католических школ и тратились на католическую пропаганду. Австрийская оккупация принесла Ватикану неисчислимы выгоды и дала представителям папских интересов в Австрии полную возможность действовать решительно и смело в целях «возвращения» членов греко-православной церкви в оккупированных провинциях в лоно католицизма.

Нам остается теперь рассмотреть попытки Ватикана подчинить себе православные церкви в двух главных южно-славянских землях — в Сербии и Болгарии. Если папская власть не стеснялась в способах католической пропаганды в малых и беззащитных южно-славянских странах, какими были Хорватия, Далмация, Босния и Герцеговина, то по отношению к наиболее сильным южно-славянским государствам меры грубого насилия были не приложимы. Католической миссии приходилось действовать более сложными и тонкими интригами, хитростью, лестью, подкупами и обманом, только в исключительных случаях прибегая к грубому насилию.

Сербия окончательно приняла христианство в IX веке, и после разделения церквей все население сербского государства осталось на стороне греческой или православной церкви. В самом непродолжительном времени после окончательного крещения сербов православными священниками в 873—874 гг. папа Иоанн VIII пытался привлечь на свою сторону сербского великого князя Мунтимира. Чем кончилась эта попытка, осталось неизвестным. По отсутствию указаний на какие-нибудь дальнейшие сношения нужно думать, что она не имела успеха.

В XI веке попытки подчинить сербскую церковь папе возобновляются, и на этот раз они совпадают со стремлением сербских князей избавиться от государственной зависимости от Византии. При князе Михаиле и сыне его Константине Бодине происходит отпадение Сербии от православия. Сам Михаил и сын и преемник его Константин Бодин в продолжение 50 лет были преданными сынами римско-католической церкви.

Светская власть папы, как наместника первоверховного апостола Петра, а через него и самого Христа, становится на западе выше царства, становится источником всякой власти на земле. Папа венчает на царство западных императоров и раздает королевские венцы. Великие князья сербские, находившиеся в вассальной зависимости или от императоров греческих или от православных государей болгарских, до XI века держались постоянно православия, потому что желание отложиться к латинству было бы равносильно желанию избавиться от государственной подчиненности своим православным соседям. Около 1019 г. греки на некоторое время окончательно подчинили себе сербов и превратили их страну в свою провинцию. Следовательно, и в церковном отношении сербы находились еще в подчинении у Константинопольского патриарха, а не у папы римского. И первый, свергший греческое иго, князь сербский Боислав, возможно, еще не решился на отпадение от православия, но сын его и преемник, великий князь Михаил, пошел на

этот крайний шаг. Он первый из сербских князей отложился от православия к папе, желая приобрести от папы королевский сан, который папою и был ему дан. Папа называет его в своем послании любезнейшим сыном алостолы Петра. В продолжение 26-летнего правления его сына в Западной Сербии, составлявшей его удел, окончательно было водворено латинство. Но с концом его правления навсегда кончилось и непродолжительное господство римско-католической церкви в сербском государстве. Верховное правление страной после его смерти переходит в православный дом удельного князя восточной Сербии Волкана, потомки которого, за исключением одного только случая, уже не обнаруживали больше колебаний в религиозном отношении. Правда, некоторые из них обращались к папской власти с изъявлением притворной покорности, но делали они это из дипломатических соображений, когда по той или иной причине нуждались в помощи или содействии пап. В первый раз к такому притворству прибегнул Стефан Первовенчаный, старший сын Стефана Немани. Желая получить королевский венец от папы, он обращался к папе с посланием, в котором выражал желание именоваться верным сыном святой римской церкви. Папа прислал ему королевский венец со своим легатом, и Стефан в 1220 г. был коронован архиепископом сербским св. Саввой. Тем дело и кончилось. О сношениях с папой при дальнейших преемниках Стефана ничего не известно. Сношения с папами возобновились в 1288 году, когда папа Николай IV послал к сербскому королю Милутину увещательную грамоту, в которой убеждал короля присоединиться к святой римской церкви. Грамота была оставлена без ответа.

В 1303 году повторилось от папы обращение к тому же Милутину. Имея будто бы известие о том, что сербский король намерен присоединиться к римской церкви, папа Венедикт XI убеждал его не медлить с исполнением благого намерения и обещал встретить его как превозлюбленного сына. Так как никогда подобного намерения у Милутина не было, то и это послание папы было оставлено без ответа.

Из дальнейших попыток сербских королей выпутываться из затруднений посредством обмана папы можно указать на обращение за помощью к папе Стефана Душана в 1347—1354 гг. во время войны Сербии с венграми. Чтобы склонить папу к защите Сербии от венгров, Стефан Душан обращался к нему оба раза с изъявлениями своей притворной готовности признать его церковную власть. Оба раза дело прекращалось в самом начале, потому что оба раза Душана выручали благоприятные обстоятельства. Обманутые папы мстили сербским королям, как могли; против Стефана Душана, например, папа устраивал при помощи венгров настоящий крестовый поход.

После Стефана Душана нет известий о сношениях сербов с папами в продолжение всего последнего столетия существования сербского государства. Последний сербский правитель Лазарь, умирая бездетным и предпочитая католичество турецкому игу, завещал было перед смертью Сербию в ленное владение папе. Но когда папский легат явился, чтобы провозгласить папскую власть над Сербией согласно завещанию Лазаря, бояре и народ поспешили призвать турок, чем и положен был конец папским притязаниям.

Остается сказать еще несколько слов о положении православных сербов Австро-Венгрии. Они вели все время упорную борьбу с католиками за свою веру и национальность. Положение православных сербов в Австрии было особенно тяжелое, так как правительство значительно ограничило права сербской православной церкви и притесняло православных христиан. Папы всеми доступными им средствами стре-

мились привлечь православных сербов к унии с католической церковью. Однако, несмотря на все усилия пап, число униатов среди сербов в Австрии было не так велико: на полтора миллиона православных сербов не более 30 тысяч униатов, разбросанных по различным местам, преимущественно в Кроации.

Первые попытки ввести церковную унию в Кроации относятся к сороковым годам XVII века. Первые униатские миссионеры не имели успеха. Чтобы устранить главное препятствие дальнейшим успехам униатской пропаганды, австрийское правительство с ведома и согласия папы закрыло епископскую кафедру в Австрии у православных, после чего дело унии пошло успешней. Число униатов к концу XVIII в. в Кроации достигло восьми с половиной тысяч. Количество униатов среди сербов в Южной Венгрии, Славонии и Темешварском банате, где униатская пропаганда началась после завоевания этих областей у Турции, точно не известно, приблизительно число их ограничивается 11—12-ю тысячами.

После присоединения к Австрии Далмации была сделана попытка ввести унию и в этой последней области. Попытка эта повела к народному восстанию, и число униатов среди далматинских сербов едва достигало четырехсот человек.

Нам остается, наконец, рассмотреть попытки пап подчинить своей власти православную Болгарию.

Христианская вера была принята болгарами в 864 или в 865 году из Византии. Совершилось это при князе Борисе, который решил переменить языческую веру на христианскую не столько из побуждений религиозных, сколько из государственно-политических, так как сознавал необходимость для болгарского народа отказаться от язычества и принять христианство, чтобы войти в семью западно-европейских народов. Борис должен был решить вопрос, от кого выгоднее принять христианство — от греков из Византии, или от латинян из Рима, через посредство немцев. Первоначально он хотел было принять христианство из Рима, но затем переменял это свое намерение, так как увидел опасность для своей страны от сближения с немцами и решил обратиться к грекам и принять крещение из Византии. Но в непродолжительном времени после крещения Борис отложился от греков и обратился к папе. Он принужден был поступить так потому, что греки стремились подчинить себе Болгарию не только в религиозном, но и в политическом отношении. Когда Борис в 866 году обратился с просьбой к папе дать Болгарии отдельного митрополита или архиепископа, в чем греки тогда ему отказывали, греки, чтобы отвлечь Бориса от Рима, решили пойти на уступки и стали настаивать на том, чтобы Болгария приняла архиепископа из Византии. Борис, недовольный папою за различные проволочки с назначением архиепископа в Болгарию, решил снова возвратить болгар под власть византийского патриарха. Латинское духовенство, приступившее было к утверждению в Болгарии римских церковных порядков, было изгнано из Болгарии.

В 1019 году Болгария была завоевана греками, но болгарам было оставлено самостоятельное управление, как гражданское, так и церковное. С 870 года, в котором греки дали болгарам своего архиепископа и епископов, страна их навсегда осталась православною. Так кончилось непродолжительное господство в Болгарии латинян. Что касается пап, то они старались сохранить в Болгарии свою власть, требовали от греков, чтобы они уступили им болгар, и настаивали перед болгарским князем на возвращении Болгарии под власть Рима, но все усилия их были напрасны. Болгары не пожелали возвратиться под власть папы.

В последующее время был единственный случай, когда, вынуждаемые государственными обстоятельствами, болгары решили было принять приглашение папы вступить с ними в союз. В 1185 году, отложившись от греков, основатели второго болгарского царства, братья Петр и Асень, нуждались в признании их власти, как самостоятельных государей независимого от греков государства, со стороны их соседей, между которыми имели особенно важное значение венгры или мадьяры. Но достигнуть этого можно было не иначе, как получив признание и утверждение в своем достоинстве со стороны римского папы. Тогдашний папа Иннокентий III (1198—1216), предложил сам болгарскому царю Калияну вступить с Римом в теснейшие сношения. Калиян принял предложение папы с величайшей готовностью, и таким образом состоялось кратковременное подчинение болгар римской церкви. Папа венчал Калияна королевским венцом в 1204 году, а болгары дали торжественное обещание признавать папу своим главой и в церковных делах подчиняться ему. После этого болгары, хотя формально не разрывали некоторое время с папой союз, но сами считали его прекратившимся с тех пор, как получили от Рима все, что желали иметь в видах государственных. Вскоре они возвратились к православию, открыто прервав сношения с Римом. В 1234 году возобновлено было, с согласия Византии, и прежде бывшее в Болгарии патриаршество.

В последний раз уния с папой заключена была в Болгарии уже в XIX веке. Уния болгар с римско-католической церковью, возбудившая большие надежды в католическом мире, произошла по случаю ссоры болгар с греками по вопросу о болгарском высшем духовенстве. После завоевания Болгарии турками высшая власть над болгарской церковью передана была турками греческому патриарху. Греческие патриархи не хотели предоставить болгарам самостоятельности в церковном управлении, так как это лишило бы их половины доходов и повлекло бы за собою потерю более чем половины доходных церковных мест для греческого духовенства. Поэтому желание болгар вместо греческого иметь свое болгарское духовенство было встречено греками с величайшей враждой. Латинские агенты, проживавшие в Константинополе, вмешались в этот спор. Они постарались убедить болгар в том, что от греков им нечего ожидать благоприятного решения их справедливых требований, что единственное для них спасение в признании власти папы, что в этом последнем случае они приобретут величайшее расположение католических держав и проч. В 1860 году, когда вражда болгар к грекам достигла крайних пределов, папским агентам удалось вовлечь в унию с католическою церковью часть болгарского духовенства и мирян. Папа торжествовал. Особой грамотой возвестил он миру о присоединении Болгарии к Римско-католической церкви и, с согласия турок, папа посвятил в архиепископы болгарской униатской церкви архимандрита Иосифа Сокольского. Папа обещал болгарской церкви неприкосновенность православного вероучения, обещал не изменять православные обряды и обычаи церковные, но не прошло и двух недель после введения церковной унии в Болгарии, как явившиеся из Рима иезуиты потребовали и догматических и обрядовых изменений в православной церкви. Прежде всего, они настаивали на принятии в Символе веры католического учения об исхождении св. Духа и от Сына (Filioque). Иезуиты нападали на учение православной церкви, осуждали православные обычаи и обряды. Униатское духовенство Болгарии поняло свою ошибку и поспешило возвратиться к православию.

Таков был конец унии, возбудившей в Риме столько надежд. Уния сохранилась только среди небольшого количества болгар. Кроме

униатов имеются в Болгарии еще и католики, перешедшие в католическую веру из болгарской ереси богомилов или павликиан. Для управления церковными делами болгар-католиков открыты были в XIX веке католические епархии. С целью пропаганды между болгарами учреждена была в пятидесятых годах XIX столетия миссионерская станция и, кроме того, несколько позже в других городах открыты были еще две станции, одна из которых специально с целью униатской пропаганды. При миссии учреждены были также две школы для воспитания детей в духе католической веры.

Ни униатская, ни католическая пропаганда дальнейших успехов в Болгарии не имели. Так закончились неудачно попытки пап подчинить православные церкви южных славян римскому престолу. В длившейся свыше тысячелетия тяжелой и упорной борьбе южные славяне отстаивали национальную самобытность и религиозную независимость от папских притязаний.

В горьких испытаниях судьбы славянство всегда жило надеждой на лучшее будущее. Но никогда еще славяне не переживали такого сильного подъема национального и общеславянского самосознания как в только что окончившейся Священной Великой Отечественной войне. Эта война показала, кто истинный друг и кто смертельный враг славян. Россия, одержавшая славную победу над германским фашизмом, в этой войне выступала перед всем миром, как всеславянская держава и защитница интересов славянского мира, папство, напротив, стояло за озверелый фашизм и защищало интересы фашистской Германии против славян.

ЕПИСКОП ГЕРМОГЕН

ИЗ ЖИЗНИ НАШИХ ЕПАРХИЙ

ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЕПАРХИИ

ПАМЯТНЫЕ ДНИ МИТРОПОЛИТА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО И ЛАДОЖСКОГО АНТОНИЯ (ВАДКОВСКОГО) В ЛЕНИНГРАДЕ

16 августа 1946 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Высокопреосвященного Антония (Вадковского), Митрополита С.-Петербургского и Ладожского.

По благословению Высокопреосвященного Григория, Митрополита Ленинградского и Новгородского к этому дню духовенство и верующие готовились задолго.

Могила владыки Антония была приведена в полный порядок.

16 августа во всех церквях Ленинградской епархии были совершены заупокойные Литургии и панихида.

Все торжество этого дня было сосредоточено в Кафедральном Николо-Богоявленском соборе. В этот день причтом собора во главе с настоятелем протоиереем Павлом Тарасовым (Митрополит отсутствовал в г. Ленинграде, ввиду отъезда его в Париж на похороны Высокопреосвященного Митрополита Евлогия), совершена соборным служением Божественная Литургия и панихида, при большом стечении молящихся.

Перед панихидой настоятель собора обратился со словом к верующим, в котором обрисовал исключительно выдающуюся роль в деле управления Русской Православной Церковью покойного Митрополита Антония, а также и его труды, как Митрополита С.-Петербургского и Ладожского.

В этот день в 1 час дня на могиле покойного Митрополита Антония настоятелем Кафедрального собора протоиереем Павлом Тарасовым была отслужена панихида на Братском кладбище Александро-Невской Лавры, в которой принимали участие, кроме причта Кафедрального собора, ректор Ленинградской Духовной академии и семинарии протоиереи Иоанн Богоявленский, при протодиаконе С. Дмитриеве.

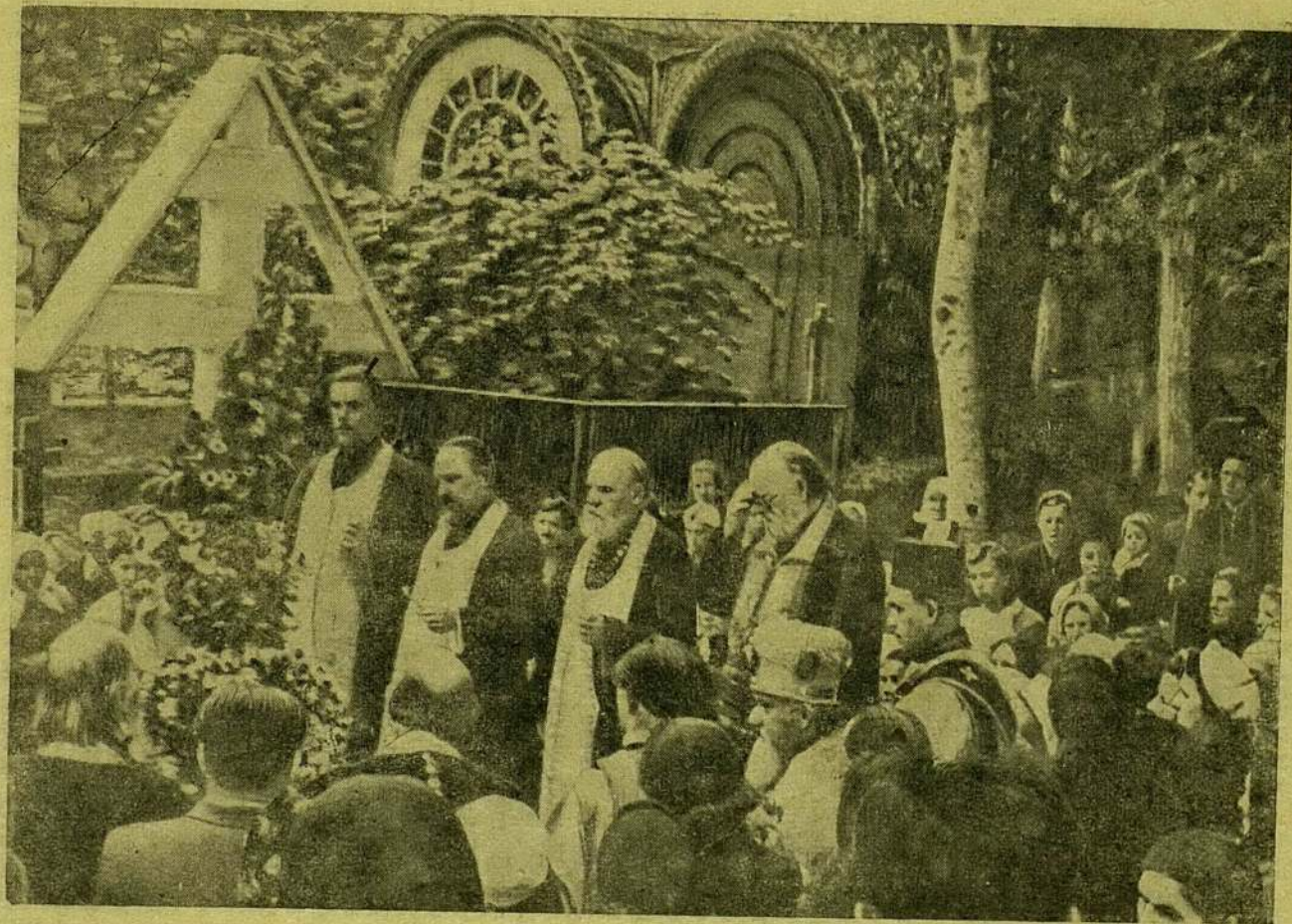
Пел хор Николо-Богоявленского Кафедрального собора.

Во время панихиды на могиле Митрополита Антония собралось большое число верующих.

Любовью и старанием исполнительного органа Кафедрального собора в лице и. о. старосты Короткова Г. А. могила владыки Антония была убрана живыми цветами.

Те, кто принимал участие в служении панихиды, все прекрасно помнят выдающегося архипастыря Русской Православной Церкви, и здесь невольно мысль устремлялась к тем годам и дням, когда покойный владыка управлял нашей епархией. Здесь вспоминали его исключительные административные способности, его великую ученость и ту мягкость, любовь и ласку, которые он так изобильно расточал на пути своего архипастырского служения.

ПРОТОИЕРЕИ ПАВЕЛ ТАРАСОВ

Панихида на могиле покойного Митрополита Антония (Вадковского)

ИЗ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО В СИБИРИ

5/18 июля текущего года в г. Новосибирске, с благословения Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси, состоялось скромное церковное торжество по случаю исполнившегося восьмидесятилетия со дня рождения архиепископа Новосибирского и Барнаульского Варфоломея.

Накануне этого дня престарелый архиепископ совершил в сослужении всего Новосибирского духовенства всенощную.

В самый день юбилея верующие, собравшиеся в большом количестве встретили владыку у ворот его дома, с букетами в руках, вся дорога от архиерейского дома до Вознесенской церкви была усыпана цветами и всякой зеленью, также зеленью и цветами была убрана вся Вознесенская церковь. При вступлении архиепископа на паперть храма он был встречен церковным советом с хлебом и солью, и здесь же от имени всех верующих г. Новосибирска был прочитан А. С. Шишкиной адрес, в котором обрисована была трехлетняя церковная работа владыки в Новосибирской епархии и особенно его постоянное проповедование слова Божия и неутомимое, уставное, частое совершение Богослужения.

Встреченный в храме всем духовенством, владыка в сослужении всего духовенства совершил Божественную Литургию. Несмотря на будничность дня и малую осведомленность верующих об этом празднике церковь была полна народом. Во время причастного стиха слово обычное сказал настоятель Вознесенской церкви протоиерей Озеров В.; слово было сказано в похвалу Сергию Преподобному, имя которого в миру носил юбиляр.

Литургия окончилась молебствием с провозглашением обычных многолетий. По окончании молебна с приветствием от духовенства выступили протоиерей Озеров, протоиерей Н. Сырнев, протоиерей Н. Юдин и протоиерей Н. Попов. В ответ на все эти приветствия юбиляр высказал всем собравшимся свою глубокую благодарность за общие молитвы в знаменательный день его восьмидесятилетия, и сказал, что в такой продолжительной своей жизни он видит только особую милость к нему Божию, а затем подробно остановился на особых проявлениях небесного заступничества и преп. Сергия, игумена обители Св. Троицы, Радонежского Чудотворца, и св. Ап. Варфоломея; как он еще с семинарской скамьи любил ездить в Троице-Сергиеву Лавру и молиться у мощей Преподобного и как он и во всю свою жизнь, при проезде через Москву, считал своим долгом побывать хотя на часок в Лавре и облобызать честные мощи Преподобного. А св. Ап. Варфоломею привык молиться со времени службы своей в Баку (Алване древнем, где св. Апостол был распят на кресте вниз головой), где теперь Ап. Варфоломеем глубок чтится всеми, верующими, и там же он составил св. Варфоломеем акафист, одобренный к церковному употреблению Святейшим Патриархом Тихоном. В заключение он указал, как он был радостно удивлен, когда Блаженнейший Сергей, постригая его в монашество, неожиданно для него дал ему имя Варфоломея, и поэтому он особенно до-

рожит небесным покровительством и преп. Сергия (в мире Варфоломей) и Ап. Варфоломея.

По окончании службы владыка благословлял всех собравшихся, стремившихся получить благословение в этот знаменательный день от своего архиепископа.

После Литургии владыка пригласил все духовенство и церковных работников к себе домой, где было предложено скромное угощение. За обедом много было опять сказано приветствий юбиляру, особенно подробно говорил о церковной работе и патриотической деятельности юбиляра архимандрит Никандр, который лично знаком с работой владыки в Тбилиси и Баку и в других городах, где приходилось служить юбиляру. В других приветствиях оттенялась обильная проповедническая деятельность юбиляра, его неутомимость в разъездах и особенно церковно-патриотическая работа во время минувшей войны, когда юбиляр неоднократно получал благодарность от вождя народов И. В. Сталина.

За обедом были получены приветственные телеграммы: от Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси: «Новосибирск, Пушкина 11 — Архиепископу Варфоломею: Сердечно приветствую Ваше Преосвященство, от всей души желая Вам и лет и сил для продолжения Вашего полезного служения Церкви Христовой. Патриарх Алексей», от Католикоса Грузии, Блаженнейшего Каллистрата: «С наступлением дня восьмидесятилетия приветствует Ваше Высокопреосвященство уже переступивший сей предел с желаниями Вам паки восьмидесятилетия. Каллистрат», от Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Карпова Г. Г.: «Поздравляю Вас с знаменательной годовщиной Вашей жизни. Желаю здоровья, сил. Карпов», от управляющего делами Патриархии протопресвитера Колчицкого, члена Совета Уткина Г. Т., Уполномоченного Совета по делам Р. П. Ц. по Новосибирской области Созоненок П. Н. и многих других из Сибири и иных мест; эти приветствия юбиляром получают и до сих пор, — недавно прислали телеграммы Экзарх Украины Митрополит Иоанн и Преосвященный Симферопольский архиепископ Лука.

В этот же день Уполномоченный Совета по делам Р. П. Ц. при Новосибирском облисполкоме Созоненок П. Н. вручил архиепископу подарки от Карпова Г. Г. (хрустальную вазу) и лично от себя.

Сообщаем краткие сведения о жизни юбиляра. Архиепископ Варфоломей (в мире Сергей Димитриевич Городцев) родился 5 июля 1866 г. в семье бедного сельского священника. Окончивши Рязанскую семинарию и СПб Духовную Академию в 1890 году, он два года служил в Могилевской Духовной семинарии помощником инспектора, а в 1892 г. Высокопреосвященнейшим Владимиром Экзархом Грузии был рукоположен во священника ко 2 миссионерской церкви г. Тифлиса; в Тбилиси он служил до 1918 года, а потом был законоучителем Елизаветпольской мужской гимназии до сентября 1920 г., потом служил в Баку, в Богучаре и в с. Воловниково Московской области. 31 мая 1942 г. он был рукоположен Блаженнейшим Сергием во епископа Можайского, викария Московского, и тогда же был возведен в сан архиепископа, затем был назначен Ульяновским архиепископом, и в июле 1943 г. был назначен архиепископом Новосибирским и Барнаульским.

В священном сане он уже 54-й год. Магистр Богословия за диссертацию под названием: «Книга Иова» (опыт библейско-психологического исследования содержания книги).

Пожелаем же и мы дорогому владыке-юбиляру здоровья и сил для плодотворной работы для нашей Церкви и Родины.

АРХИМАНДРИТ НИКАНДР

**НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ ДУХОВНОГО ТОРЖЕСТВА
МАРИУПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ПАСТВЫ**

По примеру прошлых лет и в нынешнем, 1946 году, владыка Никон, епископ Донецкий и Ворошиловградский посетил г. Мариуполь и его православную паству и пробыл у нас с 27 июня по 9 июля.

Долго ожидали мариупольцы в этом году приезда своего любимого архипастыря, готовились устроить ему торжественную встречу, но владыка прибыл в город незаметно, скромно, без «глашатаев» и вестников, без многочисленной свиты, а только лишь со своими ближайшими соратниками и сослужителями на ниве Христовой: кафедральным протоиереем о. Евфимием, иеромонахом о. Афанасием и о. протодиаконном.

Владыка, по его словам, прибыл в город, чтобы отдохнуть от своих забот, укрепить свое здоровье для дальнейших трудов на берегу южного, теплого Азовского моря, но все мы увидели, что не «о плоти» своей он печется, не об укреплении своего здоровья, а о «духе», ибо первые свои заботы он посвящает своей духовной пастве. В ближайшие же дни после своего приезда приступает он к совершению торжественных богослужений в городских храмах. В субботу вечером, 29 июня, владыка совершает всенощное бдение в соборном Покровском храме, в воскресенье там же совершает Божественную Литургию, вечером едет в Порт, где в обширном Николаевском храме совершает торжественную вечерню, в понедельник, 1 июля, утром совершает Божественную Литургию в Успенском молитвенном доме, вечером всенощное бдение в поместительном Преображенском храме, а во вторник, 2 июля, Божественную Литургию и вечером вечерню с чтением акафиста пред иконою Божией Матери «Нечаянная радость». Посетил владыка храмы на окраинах города: был и совершил Божественную Литургию в Покровском храме на «Левом берегу», был в пригороде «Новоселовка», где в Николаевском храме совершил всенощное бдение, посетил и некоторые ближайшие к городу сельские храмы.

Мало этого, по вечерам совершает торжественные вечерни с чтением акафистов: то в соборном Покровском храме, то в Преображенском, везде ведет беседы с молящимися, проводит общее церковное пение и так, без отдыха, почти каждый день в течение двухнедельного пребывания его в г. Мариуполе.

Многочисленная паства с почетом, и с большим уважением, со славою встречает своего любимого архипастыря. Видны любовь, единение между первостоятелем епархии и его пасомыми. Видно, что это «пастырь добрый», который знает своих «овец», и «овцы» знают его и «слушаются его голоса».

Вот владыка вошел в храм, вслед за ним храм быстро наполняется молящимися до последней степени его вместительности; многие и многие не смогли войти внутрь храма, эти стоят возле окон и дверей и там слушают архиерейскую службу. Кто побывал, хотя один раз, на служении епископа Никона, тот невольно захочет еще раз послушать его службу, молитвенную, возвышенную, чтобы помолиться с ним Спасителю рода человеческого, чтобы призвать, в своей молитве Царицу Небесную, Заступницу всех «скорбящих и обремененных».

Можно сказать, что посещение епископом Никоном в этом году г. Мариуполя имело громаднейшее влияние на повышение религиозно-нравственного состояния Мариупольской православной паствы.

ПРОТОИЕРЕИ СИМЕОН МОРАШКО

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

«СЛУЖБА ВСЕМ СВЯТЫМ, В ЗЕМЛИ РОССИЙСТЕЙ ПРОСИЯВШИМ»

Издание Московской Патриархии. 1946 г. Цена 10 руб. То же издание, но на лучшей бумаге, в переплете, — 15 руб.

Вышла в свет на русском языке и поступила в продажу «Служба всем святым, в земли Российской просиявшим».

Это издание отличается многими внешними (типографскими) достоинствами: хорошая бумага, удобный формат, отчетливый шрифт, обилие орнаментов; каждая страница украшена виньеткой, соблюден старинный стиль печатания богослужебных книг в две краски: красную и черную, — все это облегчает пользование книгой и вызывает эстетическое удовлетворение.

Кроме внешних, это издание имеет много и внутренних достоинств. Как известно, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917 году было восстановлено древнее общее чествование всех русских святых в первое воскресенье Петрова поста после недели всех святых. На Соборе же была составлена служба в честь русских святых. Эта служба была напечатана в ограниченном количестве, разошлась по рукам участников Собора, не была разослана по епархиям и не получила широкого распространения. Скоро она сделалась редкостью. Распространявшиеся с нее рукописные списки изобиловали рядом ошибок, вставок, пропусков, причем и эти рукописные списки были в очень немногих церквях. Громадное большинство церквей не имело ничего, и только из календаря издания Московской Патриархии 1946 года получило текст тропаря, кондака и величания всем русским святым.

Таким образом, издание Московской Патриархией церковной службы всем русским святым восполнило серьезную, остро чувствующуюся потребность в ней. Теперь каждая русская церковь может прославить полной церковной службой своих национальных святых.

Редакционная комиссия, кроме корректурного, крайне несовершенного оттиска службы издания 1917 года, — имела рукописный список с нее, с исправлениями канцелярской рукой покойного Святейшего Патриарха Сергия, для его домового церкви. Все исправления покойного Святейшего Патриарха Сергия были приняты и внесены в окончательный текст службы.

Служба русским святым, проникнутая от начала до конца одной основной идеей, полна глубоких назидательных мыслей. Первая стихира на «Господи, воззвах» есть как бы введение: «Приидите, собори Российской, сущия во стране наша святыя восхвалим: преподобныя, и иерархи, и князи благоверныя, мученики и священномученики, и Христа ради юродивыя, и жен святых сословия, вкупе именуемая и неименуемая». Со второй стихир начинается прославление русских святых. Общее прославление всех русских святых чередуется с прославлением отдельных святых, с приблизительным соблюдением хронологического порядка. Хронологический порядок прославления особенно выдержан в каноне, который представляет собой восторженный гимн русским святым. Пред духовным взором благоговейного читателя и слушателя проходят один за другим русские святые. Вот семь Херсонских епископов, «землю нашу кровью своими освятивши», вот первые мученики: Феодор и Иоанн: «идолом не порабощавшая и крови своя за Христа давшая», вот Ольга Богомудрая, которой «от идольския лести мы свободихомся», вот св. Равноапостольный князь Владимир — «начальник просвещения русския земли», вот преподобные Киево-Печерские с преп. Антонием «всех Российских монахов начальником», святители Московские: Петр, Алексий, Иона, Филипп, за ними святити Новгородстии святители: Никита, Иоанн, дреподобнии: Антоний, Варлаам; Тверские: святители Арсений, преп. Нил Столбенский, Анна Кашинская; Казанские: Гурий, Варсонофий, Герман и т. д. Все эти святые убажуются не общими восхвалениями, но у каждого из них подчеркивается то, чем они особенно просияли в своей жизни. Так, св. Димитрий Ростовский, убажывается, как «житий святых списателю и ревнителю тем добрый», св. Митрофан, как «прещения царева и смерти не убоявшийся», св. Тихон за то, что «тленного мира духовное сокровище, яко пчела мед сладкий от цветов скоро увядающих, собрал еси». Так один за другим проходят пред нами чудные образы русских святых, поразительных в их

духовной красоте, великих во всех добродетелях и особенно великих то в отношении нравственно-устойчивой воли (преподобные и мученики), то в отношении христианской богословской мысли (св. Тихон Задонский, св. Димитрий Ростовский), то в отношении любвеобильного облагодатствованного сердца (преп. Серафим Саровский).

Светилен по 9 песни, являющийся заключением канона, как бы делая вывод из него, называет святых «незаходимыми светилами земли нашей и помощниками, от Христа нам дарованными». Этот вывод ясно следует из всей службы. Русские святые, раз воссиявшие, явились «светилами незаходимыми», никогда не меркнувшими, всегда сияющими божьим светом и являющимися для нас — их потомков — верными помощниками, от Христа нам дарованными, путь спасения нам указующими.

К службе присоединен «Список русских святых по месяцам и по отделам». Помещение списка очень уместно: он дает ответ на напрашивающийся вопрос о числе русских святых. Из списка, довольно полного, мы узнаем, что святителей в числе святых — 52; (опущены некоторые: св. Иоанн Тобольский, Софроний Иркутский и другие), князей — 44, преподобных и богоносных отцев и матерей — 264, блаженных и Христа ради юродивых — 12, мучеников — 10. Такой список русских святых печатается впервые.

Первый опыт издания богослужебной книги следует признать удачным. Быть может, в нем будут найдены недостатки, но при суждении об этих недостатках не следует забывать, что они почти неизбежны при первом опыте подобных изданий.

Л. П.

..... О Т Р Е Д А К Ц И И
„ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“

**РЕДАКЦИЯ ИЗВЕЩАЕТ
ЧТО ПРОИЗВОДИТСЯ ПОДПИСКА НА**

„ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ“

на 1947 г.

Стоимость журнала (12 номеров) 120 рублей в год.

К 1 ЯНВАРЯ 1947 г. ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ «ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1947 г.». ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО 30 руб. ЗА ЭКЗЕМПЛЯР. КРОМЕ ТОГО, ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ «СТЕННОЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1947 г.» по 5 руб. за экземпляр.

**ПОДПИСКА ОТ ЧАСТНЫХ ЛИЦ ПРИНИМАЕТСЯ
ЧЕРЕЗ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ
И РАЙОННЫХ БЛАГОЧИННЫХ.**

**НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ИЗДАНИЙ РЕДАКЦИЯ
НЕ ВЫСЫЛАЕТ.**

Адрес редакции: МОСКВА, 34, ЧИСТЫЙ пер., д. 5. Редакция
«ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ».

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

Цена 10 руб.
Price 50 cents